

Беззаконов С. Н.

Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси

Стараниями летописцев Вещий Олег предстает перед взором историков не просто эпическим героем, подобным Рюрику и другим основателям династий, но и, что гораздо важнее, создателем русского государства, по сути, выведшим Русь на международную историческую арену. Сомнения по этому поводу, обычно, не высказываются. Споры если и ведутся, то в основном относительно происхождения Олега и его предполагаемых исторических прототипов. Но так ли все было на самом деле, как об этом пишут летописцы?

Увы, как это ни парадоксально звучит, однозначного ответа на данный вопрос до сих пор нет. Проблема заключается в том, что византийским и западноевропейским хроникам имя Олега, практически, неизвестно. Неизвестен им и поход Руси на Константинополь в 907 г., так красочно описанный автором ПВЛ, в то время как о набегах руси состоявшихся в 860 и 941 г. они помнили и писали на протяжении нескольких столетий.

Попытки объяснить сей прискорбный факт желанием греков умолчать о своем поражении, ничего кроме улыбки не вызывают. В истории Византийской империи случались и куда более серьезные разгромы, нашедшие отражение в хрониках. Да и тем же франкам, незачем было это скрывать.

Не так просто, с основателем Киевской Руси дело обстоит и в самих русских летописях. По версии ПВЛ, Олег родственник князя Рюрика, ставший регентом при малолетнем Игоре. В Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛ), которая, по мнению А. А. Шахматова, наиболее близка к гипотетичному Начальному своду 1095 г., он всего лишь воевода при взрослом Игоре, без намека на родственную связь.

Имеются разночтения и хронологического порядка. Согласно ПВЛ, Олег совершает поход на Византию в 907 г., согласно НПЛ, в 922 г. Соответственно, разнятся и даты смерти то ли воеводы, то ли князя. По версии ПВЛ Олег умирает в 912 г., в НПЛ данное событие приходится на 922 г. Причем, вопреки утверждению ПВЛ, в новгородской летописи говорится, что смерть Олега настигла не в Киеве, а в Ладогe, либо за морем¹. В итоге, киевляне хоронят Вещего князя в Киеве, на горе Щековице, а новгородцы в Ладогe. Где именно, летопись не сообщает, но народный фольклор помещает «Олегову могилу» в урочище «Сопки», что на левом берегу реки Волхов². Современные исследователи относятся к хронологии НПЛ с изрядной долей скепсиса, обоснованно указывая на то, что большинство дат в русских летописях имеют искусственное происхождение, проще говоря, если не выдуманы, то рассчитаны исходя каких-то, одним летописцам ведомых ориентиров и представлений.

¹ Автору НПЛ известен и такой вариант предания.

² В ходе проводившихся в 1820 г. раскопок, археологи нашли в кургане несколько сожженных костей, двушипный черенковый наконечник копья, датруемый VIII – началом IX вв., кусок железа похожий на задвижку в замке и древесные угли. Больше раскопки «могилы» не производились.

Также считается, что достоверность датировок ПВЛ подтверждает договоры, заключенные Олегом с греками. В пользу этого, якобы, говорят приведенные в договорах календарные даты, соответствующие времени правления византийских императоров Льва, Александра и Константина, имена, которых зафиксированы в договорах. Автор же НПЛ, по мнению исследователей, текстами договоров не располагал, поэтому и датировал походы руси на Константинополь, как Бог на душу положит.

Однако, с договорами Олега с греками, тоже не все так гладко, как хотелось бы. Проблема даже не в том, что среди историков имеются, до сих пор, не преодоленные разногласия как по языку оригиналов договоров, так и по времени их перевода на русский язык. Не меньше вопросов вызывает и сама интерпретация этих, безусловно, важных документов, напрямую касающихся как истории Руси в целом, так и рассматриваемого здесь исторического персонажа, в частности.

Особенно много споров идет вокруг договора заключенного Олегом в 907 г. Для одних исследователей, это подлинный документ, составленный сразу после осады русью Константинополя, а для других, это более позднее изложение на бумаге устного договора между русью и греками. Третьи считают договор 907 г. фальшивкой, сочиненной летописцем, неправильно понявшим текст договора 911 г.

Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивал А. А. Шахматов³. По мнению известного историка и лингвиста, летописец, ознакомившись с текстом договора 911 г., обнаружил в его заглавии указание на какой-то иной, неизвестный ему русско-византийский договор, который, как посчитал летописец, был заключен сразу после похода Олега на Константинополь. Дату заключения этого договора, полагал Шахматов, летописец высчитал, опираясь на народное предание, гласившее, что смерть князя наступила через четыре г. на пятый после возвращения из Византии. Т.е., отняв от 911 четыре г., автор ПВЛ получил 907 г.⁴

Шахматов, также, был убежден том, что, не имея под рукой настоящего первого договора Руси с греками, летописец, фактически, его выдумал. Подтверждение своим выводам историк нашел в договоре князя Игоря, заключенного им с греками в 944 г. Согласно тексту этого документа, послан князя Игоря было поручено: «возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими»⁵. Ссылки на статьи этого «старого мира», в договоре Игоря, считал Шахматов, ведут к договору 911 г., но поскольку в тексте упомянутого договора данных статей нет, значит, их искусственно перенесли из 911 в 907 г. Следовательно, договора 907 г. не существовало.

В пользу предположения сделанного Шахматовым говорят и некоторые другие аргументы и факты, а именно, практически, дословное совпадение, по форме и содержанию, приведенных ниже отрывков из договора 907 и 944 гг.⁶

³ См.: Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря. Пг., 1914 С. 10-11.

⁴ Как показал в своей книге «Очерки начальной руси» (Киев; СПб., 2015. С. 60) А. П. Толочко, точно такой же схемой, путем отнятия 4 лет от даты заключения договора летописец высчитал и даты походов на Византию князя Игоря (945-4=941 г.) и балканские походы князя Святослава (971-4=967 г.).

⁵ Повесть временных лет. М., 2014. С. 86.

⁶ Повесть временных лет. С. 74; 87-88.

Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси

Договор 907	Договор 944
Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и тогда возьмут полагающееся им месячное, — сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно...	Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину - послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по 50, и торгуют сколько им нужно...

Часто приходится читать, что процитированные отрывки есть некий стандартный формуляр, которым пользовались при составлении русско-византийских договоров. Однако с этим трудно согласиться. В свое время В. И. Сергеевич высказал довольно любопытную мысль, суть которой сводилась к следующему: было ли грекам, в то время, когда русские войска стояли под стенами Константинополя, до торговых договоров, да еще ущемляющих права русских купцов? Как справедливо замечал известный историк права: «Предложение таких ограничительных статей победителю, который еще занимал греческую территорию, представляется мало вероятным»⁷.

И действительно, трудно представить, что греки в столь тяжелой для них ситуации вели речь: о порядке приезда руси в Грецию; об остановке их у св. Мамы; о входе в город после описи в количестве не более 50 человек. Да еще только через одни ворота. Им бы думать о том, как выплатить дань, да уговорить русов, поскорее покинуть византийскую землю. Диктовать условия мог лишь победитель. Либо, как в случае с походом руси 943 г., тот, кто не пустил врага на свою территорию, что снова нас возвращает к договору заключенному в 944 году.

Не подтверждают содержание договора 907 г. и археологические изыскания. Так, если в существовании, в рассматриваемый нами период, Киева, Любеча и Чернигова, хотя и с некоторыми оговорками, сомневаться не приходится⁸, то вот самые древние археологические слои Переяславля датируются концом X в. Наиболее же вероятная дата основания города 988-992 год⁹.

Не лучше дело обстоит и с двумя другими, упомянутыми в договоре 907 г., городами, Ростовом и Полоцком. Археологические слои Ростова не уходят

⁷ Сергеевич В. И. Греческое и русское право в договорах с греками X века. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 630.

⁸ Ранние слои Любеча и Чернигова датируются последними десятилетиями IX в., в середине X века, это были крупнейшие города южной Руси.

⁹ Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 364.

глубже 60-80 х гг. X в.¹⁰. Несколько иначе дело обстоит с Полоцком. В 907 г., это довольно рядовое городище, весьма скромных размеров. По мнению археологов, его не только нельзя поставить в один ряд с такими раннегородскими центрами и городами Руси как Киев, Ладога, Рюриково городище, Псков, Чернигов и Любечь, но и нет никаких оснований утверждать: «что в конце IX – начале X в. обитатели... Полоцкого городища и двух селищ у его подножия имели какие-то самостоятельные и регулярные торговые дела в Константинополе»¹¹ Кроме того, вплоть до 980 г. Полоцк был вне юрисдикции Киева и Руси в целом. В нем сидел независимый от рюриковичей князь Рогволод принадлежащий к иной, чем рюриковичи, династии, которая, впрочем, тоже, пришла «из-за моря».

В итоге, исходя из археологического материала, а также здравого смысла, становится очевидным, что Ростов, Переяславль и Полоцк, по определению, не могли быть упомянуты в договоре 907 г. Следовательно, они были вставлены в текст договора позже, в процессе его создания самим автором ПВЛ.

Вызывает вопросы и другое известие, помещенное в договоре. Прибыв щит на ворота Константинополя, Олег, через своих посланцев, потребовал от греков выплаты дани: «на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину»¹². По подсчетами, сделанным Н. Д. Знойко¹³, аппетиты русов вылились византийцам в сумму равную 1 209 600 золотых солидов (приблизительно пять с половиной тон золота). Это не просто много, как показал М. В. Левченко (замечу, считавший русско-византийскую войну 907 г. событием более чем реальным): «такой контрибуции Византия никогда не уплачивала»¹⁴.

Впрочем, интересно данное известие не только суммой контрибуции. Не менее существенно и другое. Только в договоре 907 г., причем, всего лишь один раз, в приведенной выше цитате, упомянута древнерусская денежно-весовая единица – гривна.

Допустить, что в начале X века русы пользовались своей собственной денежной единицей, теоретически, можно. Слово «гривна» у славянских народов известно давно¹⁵. Однако доказательств этому нет. Гривнами денежные единицы Руси стали называть только в XI веке, что нашло отражение в Русской Правде и ряде других письменных источников, включая берестяные грамоты. А. В. Назаренко¹⁶ высказал предположение, что в IX-X вв. термин гривна мог использоваться для обозначения выраженной в серебре стоимости золотой монеты: арабского динара или византийской номисимы, вес которой (4,3 г.) послужил основой для русского златника. Но, поскольку гривна упомянута в

¹⁰ Леонтьев А. Е. На берегах озёр Неро и Плещеево. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 173.

¹¹ Еремеев И. И. Полоцкая земля. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 290.

¹² Повесть временных лет. С. 74.

¹³ Знойко Н. Д. О посольстве Калокира // ЖМНП. 1907. Ч. VIII. Новая серия. С. 137.

¹⁴ Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907-911 гг. // Византийский временник. Т. 5. 1952. С. 110.

¹⁵ Словом «гривна» до того как его стали использовать в качестве наименования денежной единицы, называли шейные украшения изготавливаемые как из драгоценных, так и не драгоценных металлов.

¹⁶ Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-вещевого счета // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994. М., 1996. С. 30.

текстах договоров всего один раз, в договоре 907 г., есть все основания полагать, что требование Олега выплатить воинам по 12 гривен «на уключину» (кронштейн для крепления весла) также целиком и полностью на совести самого летописца. Вероятно, таким незатейливым способом, он решил придать достоверности сочиненному им документу.

В полной мере данное утверждение относится и к летописному рассказу о том, как Олег повелел своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли, после чего русы подняли паруса и с попутным ветром: «пошли со стороны поля к городу»¹⁷. Близкие рассмотренному фольклорные сюжеты известны у многих народов, включая самих греков¹⁸. Воспринимать сей фантастический рассказ, как описание неких реальных событий нет никаких оснований. Все это не более чем басня, вкуче с упомянутыми ранее сюжетами, сочиненная исключительно для того, что бы придать достоверности рассказу о походе 907 г., информацией о котором летописец не располагал. Сам же поход летописцу был нужен, вероятно, для того чтобы объяснить читателям, почему Олег заключил договор с греками в 911 г., если в это время войны между Византией и Русью не было.

Вместе с тем, следует признать, приведенные выше доводы и рассуждения не в состоянии опровергнуть предположение Малингуди, настаивающей на том: «что в распоряжении Нестора, помимо текста договора 911 г., имелась еще особая грамота-нотия о клятве князя Олега в 907 г.»¹⁹. Но в данном случае, это не принципиально, поскольку, по мнению, Малингуди, именно эта грамота-нотия, а также неправильное прочтение вводной фразы договора, побудила летописца предположить, что по окончании русской-византийской войны был заключен договор, который он и сконструировал вычленив: «из текста договора 911 г. те статьи, которые лучше всего соответствовали фактам, упоминаемым в грамоте-нотии»²⁰. Т.е., в любом случае получается, что договор 907 г. реконструкция самого летописца, а не подлинный документ.

Известную проблему для исследователей представляет и язык договоров. Рассматривать имеющиеся на этот счет точки зрения не имеет смысла, поскольку, благодаря изысканиям все той же Малингуди, в настоящее время, есть все основания утверждать, что помещенные в ПВЛ договоры руси с греками были переведены с греческих копий, привезенных на Русь из Византии. Следовательно, тексты договоров, включая оригиналы, были написаны на греческом, а не на славянском или скандинавском языке, как полагают некоторые исследователи. При этом, правда, до конца остается не ясным, на какой язык были сделаны переводы, сразу на русский или через посредство болгарского. Не выяснено так же и время переводов, кто был их автором, сам летописец или некие иные люди, в той или иной степени совершенства, знавшие греческий, русский, болгарский и возможно скандинавский язык. Очевидно лишь одно, переводы договоров не были аутентичны времени их составления.

¹⁷ Повесть временных лет. С.74

¹⁸ Рьдзевская Е. А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М., 1978. С. 179-182.

¹⁹ Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57 (82). 1997. С. 79.

²⁰ Там же. С. 79.

Малингуди полагает, что они были осуществлены между 971 и 1046 гг.²¹ К. А. Максимович²² отодвигает это событие к первой половине XI в., по причине отсутствия письменного языка, грамотных людей на Руси до 988 г., да и особой нужды в таких переводах. Вслед за Истриным, он убежден в том, что переводы сделаны кружком русских книжников сформировавшихся вокруг Ярослава Мудрого во второй период его княжения. Относительно этих книжников сам Истрин высказывал предположение, что, по греческому образцу, в XI в. ими был составлен хронограф, в котором византийская история была продолжена русской. В рамках создания этого хронографа, вместе с другими греческими документами, привезенными греками, приехавшими на Русь по приглашению Ярослава Мудрого (в 1036 г., во время учреждения Русской митрополии в Киеве), были переведены и русско-византийские договоры.²³ Несколько иначе на проблему смотрит А. П. Толочко.²⁴ По его версии переводы были сделаны в XII в. На это указывает рассказ летописца о том, что после обмена грамотами византийский император приказал своим царедворцам показать руссам «церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, учаих вере своей и показывая им истинную веру».²⁵ Сюжет рассказа, считает Толочко, автором ПВЛ был заимствован из Продолжателя Амартола и не мог попасть в летописный текст раньше 1106 г., когда реликвии «страстей Христовых» - венец, гвозди, и багряница были перенесены в Большой дворец.²⁶

Впрочем, язык договоров и время их перевода не единственная и далеко не главная проблема, которая стоит перед нами в ходе изучения личности Вещего князя. Есть вопросы куда важнее и, если можно так сказать, интереснее. Ранее мною было показано, насколько сомнителен, с археологической и историографической точки зрения, договор 907 г.

Теперь рассмотрим договор 911 г. Несмотря на некоторые «темные места» исследователи, в массе своей убеждены, что этот договор вполне, достоверный дипломатический документ, целиком и полностью составленный от имени Руси. Вместе с тем, еще Шахматов сомневался если не в подлинности договора, то в том, что он был вставлен в ПВЛ в первоизданном виде. Более того, основоположник исторического изучения языка летописей прямо указывал на то, что договор 911 г. это: «не рабский перевод с греческого оригинала, а сознательная его переделка в определенных редакционных целях».²⁷ По мнению знаменитого историка и филолога, переводчик специально: «изменил внешнюю форму своего оригинала, стремясь к тому, что бы договор на слав. языке говорил от имени русского князя и его послов». Но: «редакционная переделка была не особенно тщательно проведена; местами она имела характер механический».²⁸

²¹ Там же. С. 86.

²² Максимович К. А. Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки перевода, языка и традиции текста. К 1100-й годовщине первого договора Руси с Византией. Тезисы докладов.

²³ Истрин В. М. Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. Л., 1925. Т. 29. С. 391-392.

²⁴ Толочко А. П. Очерки начальной Руси. С. 52-53.

²⁵ Повесть временных лет. С. 80.

²⁶ Толочко предполагает, что копии договоров мог привезти на Русь митрополит Никифор (1104-1121).

²⁷ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. С. 18.

²⁸ Там же.

что и привело к появлению «темных мест», над которыми, по сей день, бьются исследователи. К литературной обработке текста переводчиком Шахматов относил и, для многих, ключевую, если не сказать, сакральную фразу «*Мы от рода русского*», за которой следовал список имен послов отправленных в Константинополь князем Олегом, а в договоре 944 г. – Игорем. Шахматов писал: «Греческие оригиналы договоров, первые, основные экземпляры договоров не могли иметь такого начала. Вопрос сводится разве только к тому – был ли изготовлен греческий текст с измененною внешнею формой для перевода его на славянский язык, или внешняя форма была изменена одновременно с переводом, самим переводчиком... В следствие этого перед нами в славянских переводах оказывается в большинстве случаев не первоначальный текст договоров, а текст видоизмененный, переделанный».²⁹

Не вдаваясь в подробности обсуждений испорченного, по мнению Шахматова, заглавия договора, предпочтительней обратиться к куда более интересной и не менее важной части этого документа, к речи русских послов.

Речь русских послов, поясняющих цель своего приезда, заканчивается фразой: «Наша светлость превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, многократно соединявшую христиан и русских, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему. Главы же договора, которым мы себя обязали по Божьей вере и дружбе, таковы».³⁰

Титул «Наша светлость» давно не дает покоя исследователям. А. Л. Никитин,³¹ отмечая, что ни до, ни после Олега, вплоть до времени Петра I, данный титул не применялся к русским князьям (что, действительно, довольно странно), видел в титуле прямое указание на западноевропейское происхождение князя. Близкой точки зрения придерживается и И. Мыцько.³² Правда в отличие от Никитина, он помещает столицу князя Олега не на Дунай, а на Западный Буг, в древний город Плеснеск, известный своими связями с Великой Моравией, что, как бы, тоже дает право Олегу именовать себя «наша светлость». Однако упор в построениях исследователя делается, в основном, на наличие в Плеснеске скандинавской вуали, позволяющее записать Олега в скандинавские викинги.

Несколько иначе на титул русского князя смотрит Малингуди. Отмечая, что никакие другие источники, кроме ПВЛ, не подтверждают версии об использовании титула «великий князь» на Руси, ранее XII в., исследовательница приходит к выводу, что данный титул: «служит переводом какого-то выражения из греческого текста договоров».³³ Наиболее вероятными, Малингуди видятся греческие эпитеты *περιφανής*, *περιφανέστατος*, *λαμπρός*, *λαμπρότατος*, поскольку в старославянской литературе они часто переводятся: «то как «великий», то как «светлый»».³⁴

²⁹ Там же.

³⁰ Повесть временных лет. С. 76.

³¹ Никитин А. Л. Основания русской истории. Мифология и факты. М., 2001. С. 185.

³² Мыцько И. Датское происхождение князя Олега // Скандинавские древности. Интернет конференция 10–30 сентября 2010. <http://conference.dansk.ru/content/view/28/39>

³³ Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. Т. 56. 1996. С. 87.

³⁴ Там же. С. 87.

При всей привлекательности и обоснованности данных точек зрения, выводы историков не дают ответа на вопрос – почему составитель договора Олега с греками использовал, именно, эти эпитеты, применительно, к правителю довольно аморфного и археологически, практически, не уловимого государства, будь оно хоть в Центральной Европе, хоть в Поднепровье, хоть в Покарпатье?

Если дело в дипломатической номенклатурной лексике, то почему титул «светлость» греки и летописцы не применяли к Игорю и Святославу, походы которых в греческих хрониках зафиксированы и описаны? Связанно ли это с тем, что Олег «прибил щит» на ворота Константинополя, а Игорь и Святослав, нет, или причина в другом, например в том, что эти титулы греки применяли к правителю или представителю иного, чем Русь государства?

Еще более непонятно, почему в договоре 911 г. упомянуты и другие *светлые и великие князья*, находящиеся под рукой Олега. Особенно если учесть, что сами летописцы нигде более не сообщают о каком-либо многоначалии на Руси, в период правления Олега.

Не меньше вопросов вызывают и другие предложения из интересующей нас фразы, а именно слова: «превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, многократно соединявшую христиан и русских... Главы же договора, которым мы себя обязали по Божьей вере и дружбе, таковы».³⁵

Очевидно, что данную фразу составлял не язычник, а христианин, ибо как справедливо заметил А. Чернов: «Как можно удостоверить «дружбу в Боге», если сам ты язычник и в Бога не веруешь?».³⁶

Объяснить возникшее противоречие пытались неоднократно. Чаще всего, упор делался на то, что переводчик или сам летописец, ввиду не актуальности договора, на момент его перевода или внесения в ПВЛ, был, не особо заинтересован в точности передачи текста. Не были заинтересованы в этом и читатели. Поэтому летописец, делая редакционную правку, путал местоимения «мы», «вы», «наш», «ваш», что, собственно, и создает проблемы при понимании, кому из договаривающихся сторон принадлежат те или иные слова и фразы. Следовательно, фразы, в которых говорится о Боге и Божьей вере, принадлежали грекам, а не русам.

Противники данной точки зрения обращают внимание на то, что весь текст договора 911 г. составлен от имени русской стороны. Тем непонятней, в таком случае, становится фраза, из заключительной части договора, где от имени князя Олега говорится: «В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и Святою Единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам».³⁷ К слову сказать, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях написано «*Бога нашего*», исправление в «вашего» произошло стараниями современных переводчиков текстов летописей, по вполне понятной причине. Иначе получается, что правитель Руси клянется христианскими символами веры, а не языческими божествами, как в договоре 907 г.

³⁵ Повесть временных лет. С. 76.

³⁶ Чернов А. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20). Львів, 2011. С. 702.

³⁷ Повесть временных лет. С. 79.

А. Чернов³⁸ полагает, что крещение Олега³⁹ было одним из условий заключения договора. Косвенное подтверждение этому он видит в известии персидского философа и поэта аль-Марвази (1004–1088 г.), утверждавшего, что в 912 г. русь приняла христианство.⁴⁰ Но в таком случае возникает резонный вопрос, если Олег крестился сам, то почему он не крестил своего подопечного, Игоря?

Ряд исследователей полагает, что крещение Олега было фиктивным и имело, исключительно, меркантильный интерес. Дескать, как и подобает настоящему викингу, русский князь крестился ради богатых даров, торговых и политических преференций, а впоследствии, также легко поменял одну веру на другую. Косвенно это подтверждает все тот же аль-Марвази, написавший, что русы не долго оставались христианами и вскоре приняли ислам.⁴¹ Вместе с тем, странность с вероисповеданием Олега, да и титулом «Наша светлость», намного проще объяснима, если допустить, что рассмотренные выше слова принадлежат не русскому князю, а византийскому императору. В пользу данного допущения говорят следующие аргументы. В византийских дипломатических документах и прочих письменных источниках, доступных исследователям, правителей Руси именовали исключительно архонтами, не прибавляя к этому иных эпитетов, в отличие от императора франков, обращаться к которому, согласно дипломатической номенклатуре следовало, «его светлость». «Наша светлость» именовали себя и сами византийские императоры, подтверждение чему мною найдено в речи Константина IX Мономаха (1000–1055 гг.) адресованной ученикам основанного им юридического училища: «услышите живой голос законов, которому наша светлость позволила раздаться среди вас».⁴²

Как это видится, приведенная цитата, из речи византийского императора, более чем достаточный аргумент, в пользу того, что рассматриваемый отрывок из договора, Олега с греками принадлежал византийскому императору,

³⁸ Чернов А. Вещий Олег: Крещение и гибель. С. 706.

³⁹ Получается, что это было уже третье крещение русов, Первое при патриархе Фотие (между 861-867 гг.), второе при патриархе Игнатии (около 887 г.). Археологических подтверждений этим крещениям Руси историки пока так и не нашли. Объясняется это тем, что крещена была только русская элита.

⁴⁰ «И было их [русов] воспитание таким [воинственным], пока они не приняли христианство в месяцах 300 (912–913) года» (*Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази*. Таба 'и' ал-хайаван. Цит. по: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 106).

⁴¹ «Когда они обратились в христианство, вера притушила их мечи, дверь добычи закрылась за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы были дозволены для них набег и священная война, возвратиться к тому, что было раньше. Вот они и послали послов к владетелю Хорезма, четырех мужей из приближенных их царя, а у них независимый царь, называется их царь Буладмир, подобно тому, как называется царь тюрок ха-кан, и царь Булгар Б.т.л.т.в. Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства, обрадовался хорезм-шах тому, что они захотели стать мусульманами, и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их в законах ислама, и они обратились в ислам» (*Там же*. С. 106.) Следов ислама в Киеве X века, пока не обнаружено. Да и царь Буладмир, если речь, конечно, идет не о князе Владимире, не известен русским летописям. Но быть может, аль-Марвази слегка перепутал время или писал, о какой-то иной руси? Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем.

⁴² *Бибихин В. В.* Введение в философию права. М., 2005. С. 232.

а не правителю Руси. Особенно если рассматривать этот отрывок в контексте всего договора в целом.

Как видно, выводы Шахматова, о сознательной переработке текста договора переводчиком, или, что более вероятно, самим летописцем, с целью предать ему видимость составленного от имени Руси, находят еще одно подтверждение. Подкрепляют выводы Шахматова и изыскания Малингуди, хотя сама исследовательница, вряд ли, с такой оценкой ее работ согласится. Но, тем не менее, в цитируемых мною работах исследовательница прямо говорит, договор 911 г. не совсем стандартный документ. От остальных, изученных ею договоров, он: «отличается рядом существенных особенностей». Суть этих особенностей заключается в том, что: «С одной стороны, - договору - присущи признаки посреднической грамоты⁴³... С другой стороны, договор не содержит обязательства по ратификации. Вместо этого помещена формула вручения, которая, в свою очередь, является признаком заключительных грамот или заключительной грамоты».⁴⁴ Объясняя, сей, в некотором роде, юридический казус, Малингуди приходит к выводу, что посредническая часть договора, в которой, и это особо подчеркивает историк, нет ни слова о переговорах, заключении или обновлении договора, а есть лишь указание на засвидетельствование ранее достигнутого соглашения, имеет формулу не наделения полномочий, а формулу засвидетельствования.

Проще говоря, в 911 г. 15 уполномоченных Олегом послов прибыли в Константинополь, для того, что бы завершить второй этап переговорного процесса. Суть этого этапа сводилась к следующему... Византийские договоры составлялись по определенным правилам. Сначала каждая сторона готовила свой документ, в котором излагались обязательства, принимаемые ею по отношению к партнеру. Далее шло согласование условий договора правительствами стран ведущих переговоры. По завершении согласования и редактуры текстов составлялись новые грамоты, в которые, для предотвращения возможных споров, целиком или частично, включались и обязательства партнера. После этого следовал обмен грамотами и ратификация договора. Именно такую заключительную грамоту, по мнению Малингуди, русские послы и передали византийской стороне.

В чем же тогда подвох, если договор 911 г., пусть с некоторыми изъятиями, но, в целом, соответствует византийским договорам XI-го и последующих веков (в распоряжении исследователей нет образцов византийских договоров X в.)? Проблема заключается в том, что по убеждению Малингуди, начиная со строк: «Главы же договора, которым мы себя обязали по Божьей вере и дружбе, таковы», и заканчивая фразой: «То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же»,⁴⁵ Т.е., практически, вся содержательная часть договора, это инсерт из византийской императорской грамоты. И прописаны в этой

⁴³ Посредническая грамота, это письмо в котором указаны полномочия представителей того или иного государства при заключении международного договора, а также обязательства главы государства ратифицировать достигнутые посредниками соглашения. Полномочия посредников, главным образом, сводились к тому, чтобы выработать условия договора, заключить его и скрепить клятвой.

⁴⁴ Малингуди Я. Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Византийский Временник. Т. 57. С. 61.

⁴⁵ Повесть временных лет. С. 76-79.

вставке: «материальные обязательства греков», а также «предписания о юридической силе русско-византийского договора».⁴⁶ Русской стороне, в договоре, помимо заглавия, в котором перечисляются имена византийских императоров, самого Олега и приехавших в Константинополь послов, а также пояснение о цели приезда,⁴⁷ принадлежат лишь обязательства хранить мир. Именно об этом и писал Шахматов. Переводчик договора или сам летописец, исходя из, одному ему, ведомых целей, сознательно изменил инсерг византийской грамоты, помещенной в русско-византийский договор, так, что написанные от имени греков статьи выглядят как написанные от имени руси. Причем, сделано это было настолько небрежно, что некоторые главы договора до сих пор не имеют внятного объяснения.

Как уже говорилось выше, в конце XIX в. профессор В. И. Сергеевич⁴⁸ предпринял попытку взглянуть на русско-византийские договоры сквозь призму юриспруденции. Выводы известного специалиста в области древнерусского права, оказались для сторонников русского происхождения договора малоутешительными. Как и Шахматов, Сергеевич был убежден, что текст договора не полон и в некоторой степени, подпорчен. Кроме того, оказалось, что большинство статей договора были составлены в соответствии с византийским и римским правом и касались лишь взаимоотношения греков и русов на территории Византии. Единственная статья, в которой речь идет о территориях за пределами Византии, относится к морскому праву, и обязует русов и греков оказывать взаимопомощь в случае крушения кораблей. Оговаривается в статье также наказание, если одна из сторон будет уличена в присвоении товаров с потерпевшего крушение корабля и убийстве его команды.

Само появление данной статьи в договоре 911 г. вызывает массу вопросов. В начале X века Киевская Русь еще не вышла к побережью Черного моря. Но, пожалуй, самое главное тут другое. В договоре 911 г. нет статей, напрямую, касающихся торговых операций между Византией и Русью. Основные положения договора посвящены уголовному и имущественному праву и оговаривают условия пребывания руси на территории Византии, а так же условия найма русов на службу империи и условия выкупа пленных.⁴⁹ Кроме того, выкуп пленных, независимо от их этнического происхождения, производится в византийской валюте (золотниках) и по принятым в Византии расценкам.⁵⁰ В Византийской валюте (литрах серебра) выплачивался и штраф за совершенные русами правонарушения.

Возвращаясь к статье о морском праве, хочется обратить внимание на ее инородность относительно остальных статей договора. Даная статья куда более

⁴⁶ *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Византийский Временник. Т. 57. С. 69.

⁴⁷ «на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими» (Повесть временных лет. С. 76).

⁴⁸ *Сергеевич В. И.* Греческое и русское право в договорах с греками X века.

⁴⁹ Данная статья имеет прямые аналоги в договорах между Византией и Болгарией.

⁵⁰ Относительно того, что в договоре подразумевается под золотником исследователи высказывают разные соображения. Одни полагают, что золотник это византийский золотой солид, другие русский – златник. По поводу русского златника имеются большие сомнения. На Руси чеканить золотую монету стали только в конце X века, следовательно, в договоры руси с греками, включая договор 944 г., данный термин попасть, не мог.

уместна для договора 944 г., в котором речь идет о русско-византийской торговле, порядке прихода русских кораблей в Византию, условиях пребывания русов в Корсунской стороне (юго-западное побережье Крыма). В договоре 944 г. эта статья тоже есть, но в подозрительно сжатом виде. Что снова наводит на некоторые размышления.

Но вернусь к изысканиям Сергеевича. Рассматривая вопрос относительно «закона русского», на который имеются ссылки в договоре 911 г., историк приходит к выводу, что при составлении договоров греки принимали во внимание русские обычаи, особенно если они, существенно, не расходились с их собственными законодательными актами. Более того, Сергеевич полагает, что в ряде случаев, грекам «полезно было даже прямо сослаться на "русский закон", как это договоры не раз и делают, чтобы северные варвары видели, что в договорах содержится их право. Но если русские обычаи были совсем неприменимы к культурной жизни греков, их надо было искусно обойти и заменить началами греческого права».⁵¹

Не стремясь оспорить точку зрения ученого, хочу отметить лишь, что в договоре 911 г. «закон русский» упомянут всего лишь один раз, в статье посвященной штрафу за удар мечом или каким либо иным орудием. И здесь хотелось бы обратить внимание на следующее, данная статья, это чуть сокращенная калька аналогичной статьи из договора 944 года,⁵² что, опять-таки возвращает нас к вопросу о прямых заимствованиях из договора 944 г. в договоры 907 и 911 года.

Сопоставление статей договоров, также, показало, что из 25 пунктов, договора 911 г., 10-ть имеют полное, если не сказать, дословное, совпадение с 10-ю пунктами договора 944 г. У остальных пунктов прямых совпадений и соответствий нет, а один пункт из договора 911 г., по неизвестной причине, остался не законченным. Следовательно, сопоставить его не с чем.

В принципе, ничего удивительного и «криминального» в том, что имеются совпадения между статьями договоров, нет. Это может служить лишь подтверждением актуальности и преемственности озвученных в них вопросов. С другой стороны, это не исключает и заимствование данных статей из договора 944 г. в договор 911 г., в процессе его редакции переводчиком или летописцем. В любом случае, очевидно, что договоры Олега с греками еще требует досконального изучения, поскольку их происхождение и содержание по-прежнему вызывают слишком много вопросов, ответов на которые до сих пор нет. А это существенно снижает доверие ко всей канве летописного повествования касающегося жизни и смерти, а главное, деяний Вещего Олега. На этом, собственно, обзор инсера договора 911 г. можно завершить и перейти к рассмотрению его заключительной части.

Заканчивается договор клятвой. Той самой, в которой говорится: «В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием

⁵¹ Сергеевич В. И. Греческое и русское право в договорах с греками X века. С. 644.

⁵² «Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому» (Договор 911 г.).

«Если же ударит мечом или копьём или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за преступление пусть заплатит виновный 5 литров серебра по закону русскому» (Договор 944 г.).

на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою»,⁵³ и из которой следует, что правитель Руси клялся: «предлежащим честным крестом и Святою Единосущною Троицею единого истинного Бога вашего»,⁵⁴ а согласно подлинников – Лаврентьевской и Ипатьевской летописи – «Бога нашего».

Очевидно, что процитированные слова не могли принадлежать русскому князю. Это клятва византийского императора, которой заканчивался текст грамоты отправленной им для согласования на Русь.⁵⁵ Олегу принадлежит клятва, помещенная в тексте договора ниже: «Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и обычаю народа нашего не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мира и любви. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира».⁵⁶

Этой клятвой русский князь подтверждал, что работа над текстом договора закончена и зафиксированные в нем соглашения стали обязательными для обеих сторон.⁵⁷ В самом конце договора стоит дата: «Месяца сентября 2, индикта 15, в г. от сотворения мира 6420».⁵⁸ Означает ли она время подписания договора русской стороной или это дата передачи договора в дип. канцелярию византийского императора, сказать трудно. Можно так же предположить, что 2 сентября 911 г., это дата ратификации договора, либо она была придумана самими летописцем, Т.о., стремившимся придать переделанному им договору большую достоверность. Но так ли это, мы никогда не узнаем. Очевидно только одно, дата написана в византийской системе летосчисления, и она соответствует времени правления упомянутых в договоре византийских императоров Льва, Александра и Константина.

Что же в итоге получается? В общем-то, не много. Есть некий договор, который, с одной стороны, на чем настаивает Малингуди, является переводом с копии оригинальной грамоты. С другой, очевидно, что в процессе перевода или внесения текста договора в ПВЛ, он претерпел значительную редактуру, цель которой, изменить содержание договора так, чтобы он имел вид грамоты, написанной не просто от имени Руси, но и конкретно, от имени Олега. Для чего это понадобилось переводчикам или летописцам, сказать трудно. Предположения могут быть самые разные: начиная от переживаний «патриотизма» и заканчивая желанием, за счет Олега, заполнить хронологическую лагуну, образовавшуюся между смертью Рюрика и началом правления Игоря, чтобы тем

⁵³ Повесть временных лет. С. 79.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Данная грамота согласно византийских традиций была написана в двух экземплярах (на двух хартиях). Один, экземпляр оставался у греков, а второй был отправлен на Русь.

⁵⁶ Там же. С. 79-80.

⁵⁷ Малингуди, обращает внимание на весьма любопытный факт – « в клятве язычников-русов содержатся элементы византийской Kaiseridee». Т.е., составитель данного текста был знаком с понятием византийской «императорской идеи» и основанных на этой идее представлениях о божественности и изначальной справедливости царской власти. Как то не очень все это вяжется с языческой русью. Данная фраза скорее указывает на то, что она принадлежит правителю христианского государства, либо на то, что ее составлял грек.

⁵⁸ Там же. С. 80.

самым, протянуть связующую нить между этими двумя разноплановыми и одновременными персонажами русской истории. Очевидно лишь одно, договоры Олега с греками трудно назвать безусловно достоверным источником, подтверждающими факты его биографии.

На этом можно было бы поставить точку и заняться изучением биографии летописного князя, опираясь на еще не рассмотренные выше сведения как самой ПВЛ, так и другие, доступные исследователям источники. Но прежде, для обеспечения «чистоты эксперимента», целесообразно рассмотреть договоры 907 и 911 г. сквозь призму археологии. Вдруг, обнаружатся какие-либо материальные следы, подтверждающие дипломатические и торговые сношения Руси с Византией, в первой четверти X века, а заодно и реальность похода 907 года.

Увы, пока таких следов не найдено. Археологи с сожалением констатируют: находки византийского круга первой половины — середины X в. на территории Руси единичны. Ранние византийские импорты в княжеских резиденциях X века на Старокиевской горе отсутствуют, а на Новгородском городище в слоях IX — XI вв. их найдено менее десятка.⁵⁹ Не лучше ситуация и по другим крупным городищам первой половины, середины X в., таким как Гнездово, Шестовицы, Ладога. Все это позволяет историкам говорить о том, что: «даже после заключения договоров 907 и 911 гг. русско-византийскую торговлю нельзя назвать процветающей».⁶⁰

Объяснение отмеченному факту обычно находят в том, что на Русь в это время поступали предметы и вещи, не оставившие после себя следов — ткани, вина, иные скоропортящиеся и не фиксируемые археологией материалы.⁶¹ Ассортимент импортов заметно, изменяется лишь со второй половины X века, т.е. после заключения договора 944 г.

Некоторые вопросы, правда, вызывают византийские свинцовые печати, датированные IX-X вв.⁶² На основании этих находок, высказываются предположения о довольно развитых дипломатических и политических контактах Руси и

⁵⁹ Михайлов К. А. Византийские влияния на парадный костюм североευропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 264.

⁶⁰ Енисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. 2012. Вып. V. С. 76.

⁶¹ Создается впечатление, что вернувшись из грандиозного и победоносного похода на Византию в 907 г., столь пафосно описанного в ПВЛ, русские воины, практически, ничего не привезли домой. Нет никаких археологических следов огромной контрибуции в виде драг металлов и чеканной монеты, узорочья (украшения), иных даров полученных русью по свидетельству летописца. Похоже, весь доход руси это, действительно, паволока (здесь дорогая ткань) и шелк, из которых по приказу Олега были шиты паруса для русов и словен и которые порвал ветер, да фрукты и вино, которые по дороге съели и выпили. Правда от вина хоть тара должны была остаться. То же по тем временам ценность. Но и ее нет.

⁶² Четыре печати X-XI вв. найдены в Гнездово. Две печати, одна первой половины IX в., вторая конца X века, найдены на Рюриковом городище. Две свинцовые печати и печатка-штамп из медного сплава для оттиска в воске обнаружены в ходе раскопок в Шестовице. Три моливдовулы с именами византийских чиновников высокого ранга происходят с территории Старокиевской горы и «города Владимира». Но эти печати датируются XI и последующими веками, что, в общем-то, довольно странно.

Византии уже с первой половины IX в. Не исключают исследователи и вероятность того, что византийские чиновники приезжали в Восточную Европу для найма русских воинов на службу в византийскую армию и флот.⁶³

Все перечисленные версии заслуживают внимания, если учесть, например, то, что в 911 г. 700 русов участвовали в Византийском походе на Крит.⁶⁴ Задействованы русы были и в других военных мероприятиях империи. В таком случае, возникает вопрос, а не права ли и обязанности этих русов, на территории Византии оговаривал заключенный в 911 году договор?

Итак. Если договоры, заключенные Олегом с греками, на проверку, оказались не столь убедительными, то могут ли они служить доказательствами историчности этого летописного Олега? Какие аргументы говорят в пользу существования князя, кроме свидетельства ПВЛ?

Вне зависимости от своего отношения к договору 907 г., ряд исследователей высказали предположение, что поход Руси на Византию, все-таки, был. Только состоялся он не в 907 г., а на три г. раньше. Поводом для данного утверждения послужила Хроника Псевдо-Симеона,⁶⁵ в которой есть небольшой фрагмент посвященный, неким, росам-дромидам.

Объективности ради, на чем, кстати, постоянно акцентируют внимание противники включения сочинения Псевдо-Симеона в пакет доказательств реальности похода руси на Константинополь в 907 и в 904 годах, текст хроники не содержит в себе даже намек на вторжение русов. По своей сути, «Хроника», это всего лишь перечень географических названий некоторых городов и областей на территории Европы, Азии и Африки, с кратким пояснением их этимологии и обстоятельств основания упомянутых поселений. Русам, точнее росам в ней посвящено несколько строк, следующих сразу за упоминанием Фороса (поселение в южном Крыму): «А росы, носящие также имя дромитов, прозвались в честь некоего могучего Роса, распространившись отголосками того, что было предсказано по наставлению или некоему божественному гласу и превзошло их. Дромиты они оттого, что им свойственно быстро передвигаться; происходят же они от рода франков».⁶⁶

В таком случае, что же заставило исследователей, апеллировать к сочинению Псевдо-Симеона? Оказывается, отрывок, посвященный росам, автором хроники включен в статью, повествующую о походе на Византию арабского флота возглавляемого Львом Триполийским.⁶⁷ Произошло данное событие летом 904 г.

⁶³ Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения. С. 47.

⁶⁴ По сообщению арабских историков, в 912/913 г. русы, с благословения хазар, совершили грабительский налет на южное побережье Каспийского моря, дойдя до современного Баку. Есть некоторые основания полагать, что данный набег могли совершить как раз те самые русские наемники, которые остались не у дел после неудачной арабо-византийской войны за Крит, закончившейся разгромом византийского флота.

⁶⁵ Компилятивное сочинение на основе одной из редакций Хроники Симеона Логофета. Датируется 60-ми годами X в.

⁶⁶ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. 2011. С. 7-35.

⁶⁷ Мусульманский корсар, греческого происхождения, оперировавший на Средиземном море в первой четверти X века. В арабских источниках упоминается под именами Рашик Аль-Варда и Гулям Зурафа.

Читая Псевдо-Симеона, Р. Дженкинс⁶⁸ обратил внимание на то, что географические названия предшествующие фрагменту, посвященному росам-дромидам, почти полностью, хотя и в несколько иной последовательности, совпадают с географическими названиями, упомянутыми Псевдо-Симеоном и авторами ряда других хроник семейства Симеона Лагофета в рассказе о походе князя Игоря в 941 г. Все это позволило английскому историку высказать предположение, что Псевдо-Симеон, составляя свою хронику, вместе с рассказом о вторжении флота Льва Триполийского включил в нее и рассказ о походе русской эскадры, возглавляемой князем Олегом, по известной только анонимному автору причине названным могучим Росом. При этом Дженкинз полагает, что поход руси состоялся не в 907, а в 904 г. С выводами исследователя согласились многие как зарубежные, так и отечественные историки. Особенно те, кто считал помещенный в ПВЛ договор 907 г., плодом литературного творчества летописца. Несколько иной точки зрения на свидетельство Псевдо-Симеона придерживался В. Д. Николаев. По его версии, поход 904 г. совершили росы-дромиды, но не дружины Олега. Это была некая « славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря». ⁶⁹ Имя же дромиды, полагал Николаев, росы получили не потому что могли быстро бегать или передвигаться, как иногда трактуют слово *δρομιτα* переводчики, а потому что обитали в устье Днепра, с древнейших времен известного как *Ἀχιλλέως δρόμος*, т.е. Ахиллов бег.

Резоны во взглядах и аргументах Николаева, безусловно, имеются, и мы к ним еще вернемся, однако, заметной поддержки у историков, тем не менее, его точка зрения не получила. Вероятно, потому что версия Дженкинза, по вполне понятным причинам, для них выглядит более привлекательной. Относительно недавно, к ней снова обратился П. В. Кузенков.⁷⁰

Сопоставив содержание трактата Льва VI Мудрого⁷¹ «Тактика»,⁷² в котором византийский император дает наставления, как воевать с росами на море,⁷³ с общеполитической ситуацией на Балканах и в Причерноморье, историк пришел к выводу, что весной 904 г., заключив договоренность с болгарским царем Симеоном, во главе огромного флота, Олег вполне мог отправиться в набег на Константинополь. Двигаясь вдоль фракийского побережья русская эскадра добралась до Иерона.⁷⁴ А когда обнаружилось, что вход в Босфор

⁶⁸ Jenkins R. The supposed Russian attack on Constantinople in 907; evidence of the Pseudo-Symeon. *Speculum*, 1949, vol. XXIV, N 3, p. 403-406.

⁶⁹ Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. 1981. С. 151.

⁷⁰ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 7-35.

⁷¹ Именно он подписывал договоры Олега с греками помещенные в ПВЛ.

⁷² Р. Долли датирует трактат 905 г.

⁷³ «Малые же или большие дромоны по качеству вражеского народа снаряжать надо, ибо не есть одно и то же снаряжение кораблей сарацинов или [снаряжение] так называемых росов северных скифов. Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же акатии малые, и легкие, и быстрые: поскольку через реки в Евксинское море попадают, они не могут большие суда иметь» (Щавелев А. С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы...» (ДАИ. 42. 60-61): к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово. Мiста Давньої Русі. Київ, 2014. С. 371).

⁷⁴ Именно этот маршрут описан у Псевдо-Симеона.

заблокирован цепью и сторожевой флотилией греков, русы высадились на берег, подвергнув грабежу и разорению близлежащую округу. Кузенков полагает, что, не удовлетворившись результатами грабежа, Олег: «предпринял эффектный маневр, организовав волок судов в обход византийского заслона»,⁷⁵ что впоследствии послужило основой для красочного рассказа, помещенного в ПВЛ. Результаты маневра превзошли все ожидания, флот руссов оказался у стен Константинополя. Ввиду того, что, практически, все морские силы империи, в тот момент, занимались отпором арабского вторжения, Лев VI был вынужден заключить с русами не выгодный для Византии мир, выплатив значительную дань и пойдя, как пишет Кузенков, на «беспрецедентные⁷⁶ торговые привилегии русским купцам».⁷⁷

В целом, построения Кузенкова довольно интересны и вполне обоснованы. Действительно, вероятность того, что поход был совершен в 904, а не в 907 г. достаточно высока. Летом 904 г. Византия находилась, практически, в том же положении, что и летом 860 г., когда император Михаил III вынужден был оставить Константинополь и вместе с войском и флотом отправится на войну с арабами. И оба раза, русы не преминули воспользоваться моментом. Данное обстоятельство, кстати, указывает не только на хорошо поставленную разведку или, скажем так, осведомленность русов относительно ситуации в империи, но и на достаточно близкое расположение их баз от побережья Черного моря, что, в некоторой степени, подкрепляет выводы В. Д. Николаева.

Не упустили свой шанс и болгары, отношения которых с Византией после войны 894–896 г. продолжали оставаться напряженными. В конце июля 904 г., Лев Триполийский осадил второй по значимости город Византии, Фессалоники. Не сумев отстоять город, греки, традиционно, откупились от пирата, заплатив ему 100 фунтов золота. Но едва арабы ушли, как в Фессалоники захватили болгары, что, в итоге, вынудило византийцев заключить новый мирный договор с царем Симеоном, на весьма выгодных для болгар условиях. Подписание договора, состоялось в августе, того же, 904 г. И это еще один, причем, довольно веский, аргумент в пользу версии Кузенкова. Поскольку, как справедливо замечает Павел Владимирович, после 904 г. и вплоть до 913⁷⁸ «сухопутный поход руси на Константинополь через территорию Болгарию был бы невозможен, а морской вдоль ее берегов — затруднителен».⁷⁹ Между тем, как известно из ПВЛ, поход Руси в 907 г. был совершен «на конях и кораблях». Отмеченное обстоятельство открывает новые возможности для реконструкции дальнейших событий.

В конце XIX в. близь Салоник,⁸⁰ в деревне Нарыш-Кей была обнаружена каменная колонна с выбитой на ней надписью на греческом языке. Археологи высказали предположение, что колонна использовалась в качестве пограничного столба, поставленного на границе Византии и Болгарии в 904 г. На это, недвусмысленно, указывал сам текст: «При Симеоне князе болгарском по

⁷⁵ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 7–35.

⁷⁶ Насколько в действительности были «беспрецедентны» торговые привилегии руси со ссылкой на Сергеевича мною было рассмотрено выше.

⁷⁷ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 7–35.

⁷⁸ В 913 г. началась очередная болгаро-византийская война.

⁷⁹ Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 7–35.

⁸⁰ Те самые древние Фессалоники, что были захвачены болгарями в 904 году.

милости Божией, при Феодоре Олге Тархане, при комите Дристре». ⁸¹ Ф. И. Успенский, изучавший колонну сразу после ее обнаружения, обратил внимание, что вторая, составная часть, как считал историк, двойного имени болгарского боярина Феодора Олгу Тракана (Θεοδώρου Ολύου Τρακανοῦ), созвучна имени летописного князя. Это позволило известному византинисту утверждать, что Олег: «языческое имя и притом старославянское, ибо трудно предполагать присутствие норманнского элемента в тогдашней Болгарии». ⁸² Тракан (Τρακανοῦ) же, считал историк: «звание... татарского происхождения и указывает на следы болгарских учреждений в славянской жизни». ⁸³

В настоящее время, предположения о славянском происхождении имени Олег у лингвистов вызывают сомнения, а ολύου τρακανοῦ, в большинстве случаев, трактуется как «великий правитель». ⁸⁴ На этом о пограничном столбе и выбитой на нем надписи можно было бы забыть, как о историко-лингвистическом казусе, если бы не одно маленькое «но». Идею Успенского о связи болгарского имени/титула ολύου с именем русского князя подхватил и развил другой, известный византинист А. Грегуар (1881–1964).

В статье «Легенда об Олеге и экспедиция Игоря», написанной Грегуаром в 1937 г., бельгийский историк утверждал, что личность Вещего Олега не просто легендарна, она эпиграфична, т.е., заимствована летописцем из упомянутой выше надписи на пограничном столбе. Помещенный в ПВЛ рассказ о походе 907 г., византинист объявил компиляцией из эпических произведений, сочиненных по мотивам других, реальных походов руси на Константинополь в 860 и 941 г. Близкой позиции историк придерживался и относительно договоров Олега с греками.

По версии Грегуара, имеющиеся в ПВЛ тексты договоров 907 и 911 г. летописцем сочинены или списаны с болгаро-византийских торговых договоров. Тех самых, в заключение которых принимал участия Феодор Олгу Тракан, ⁸⁵ что, вероятно, и ввело летописца в заблуждение.

Надо ли говорить о том, что статья Грегуара вызвала яростную критику как со стороны советских, так и ряда зарубежных историков, в том числе и византинистов. Но так ли сильно, в действительности, ошибался Грегуар? Если прав Кузенков и поход русов состоялся не в 907 г., как утверждает ПВЛ, а в 904 г., то тут Грегуар не ошибся, похода 907 г. не было, а значит, не было и договора заключенного в 907 г. Следовательно, его текст целиком и полностью на совести летописца. Но об этом, и гораздо раньше Грегуара, писал А. А. Шахматов, да и многие другие исследователи ПВЛ, о чем уже говорилось выше. Прав Грегуар и

⁸¹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1996. С. 219-230.

⁸² Успенский Ф. И. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. 1898. III. С. 187.

⁸³ Успенский Ф. И. Пограничный столб между Византией и Болгарией... С. 187.

⁸⁴ В тюркских языках улуг (ulug) – великий, тархан (tarhan) – правитель или представитель иного, привилегированного сословия у тюркских народов. Успенский считал, что траκανοῦ в надписи получилось путем перестановки букв в непонятном греческому резчику по камню слове тарханос.

⁸⁵ Успенский и Грегуар, опираясь на византийские и болгарские источники, полагали, что Феодор Олгу Тракан был одним из ближних бояр царя Симеона, возможно родственник, и именно он принимал участие в заключение договоров между болгарскими греками в 895, 913, а судя по надписи на пограничном столбе, и в 904 году.

в том, что в рассматриваемый нами период главную угрозу для Византии представляли, отнюдь, не русы, а арабы и болгары, неоднократно подходившие к стенам Константинополя. С ними греки и заключали договора, в подписании которых принимал участие болгарский сановник.⁸⁶

По сути своей, договора болгар с греками мало чем отличались от договоров Византии и Руси. Те же клятвы в любви и дружбе и обещания не причинять друг другу зла. Как и русы болгары требовали от греков выплаты ежегодной дани и торговых льгот,⁸⁷ оговаривались условия выкупа пленных, разрешались территориальные споры.⁸⁸ Словом, стандартный набор обязательств, актуальный в те времена.

Чем можно объяснить незначительные совпадения и параллели? Ответ очевиден, болгаро–византийская торговая война, закончившаяся мирным договором подписанным, помимо болгарского царя, неким Феодором Олгу Траканом, появление росов-дромидов в Черном море — звенья одной цепи. Косвенное указание на это дает и сама ПВЛ. Когда флот Олега подошел к Константинополю, «со стороны поля» на поставленных на колеса кораблях, по утверждению летописца греки испугались: «и сказали: “Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога”». Святой Дмитрий, это Димитрий Фессалоникийский, христианский святой, родившийся, живший и проповедовавший в IV в. в тех самых Фессалониках, возле которых в 904 г. был найден столь интересующий нас пограничный столб. О причинах сравнения князя Олега с Димитрием Фессалоникийским историки спорят, но как справедливо заметил М. В. Левченко: «одно⁸⁹ это обстоятельство наводит на мысль о балканском происхождении источника летописного рассказа».⁹⁰

Есть соблазн увязать данное известие напрямую с Феодором Олгу Траканом, а через него уже и с Вещим Олегом. Однако следует признать, что куда более вероятно, легенда имеет отношение к опустошению Фессалоник Львом Триполийским. Как известно, византийский патриарх Николай Мистик по этому поводу даже произнес, риторическую проповедь, в которой он с

⁸⁶ Болгарской истории известно и другое интересное, для нашего исследования, имя Алогоботур (Αλογοβοτοῦρ), «Великий герой». Так по свидетельству Константина Багрянородного звали одного из болгарских воевод, посланных царем Симеоном на подавление Хорватии, где он и погиб, в 926 г. Связь между Ολύου и Αλογο достаточно очевидна, что свидетельствует о неоднократном употреблении данного имени-титла у болгар, если конечное реч не идет об одном и том же персонаже болгарской истории, что мало вероятно.

⁸⁷ Война между Болгарией и Византией начавшаяся в 894 г. была вызвана переносом болгарского рынка из Константинополя в Фессалоники.

⁸⁸ В ходе войны 894-904 г., Симеон I присоединил к Болгарии славянские земли теперешней южной Македонии и южной Албании, до этого входившие в состав Византийской империи. К слову сказать, в числе присоединенных к Болгарии славянских племен были племена дреговитов и смоленцев, что снова и снова нас возвращает к деяниям князя Олега на Руси.

⁸⁹ В действительности не одно. На болгарские источники летописного рассказа о походе Вещего Олега на Константинополь указывает и летописная фраза: «И повесил щит свой на воротах в знак победы, и пошли от Царьграда». Прямые аналоги данной традиции уходят в VIII в., когда болгарский хан Тервел после заключения мира с Византией повесил свой щит на ворота одной из византийских крепостей.

⁹⁰ Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. С. 110.

укоризной обращался к святому: «Где св. Димитрий, непобедимый союзник! Как предал ты на разрушение свой город? Как подвергся стольким несчастьям находившийся под твоею защитою город, недоступный врагам с тех пор, как солнце смотрит на него!».⁹¹ Можно предположить, что разгром, учиненный арабами, жители Фессалоник восприняли как кару за грехи⁹², наложенную на них Творцом и исполненную покровителем Фессалоник святым Дмитрием. В любом случае, очевидно, что помещенная в ПВЛ фраза имеет отношение не к осаде Константинополя русами, это творчески переосмысленный рассказ о событиях, происходивших на берегах Фермейского залива в 904 г. Не ясно лишь одно: переосмыслил ли приведённый рассказ летописец сам или же история стала ему известна по сообщениям ПВЛ. Однако вернемся к Олегу, точнее Феодору Олгу Тракану и к Руси.

О дипломатических отношениях и возможном союзе между Болгарией и Русью в начале X века писали многие исследователи.⁹³ Указывают на это и сами русские летописи. А. Н. Сахаров, в частности, ссылаясь на «Еллинский летописец», датируемый XV в., пишет, что Олег, отправляясь в поход на Византию: «мстил грекам за обиды своего давнего друга – царя Симеона». ⁹⁴ Под обидами, следует понимать начавшуюся в 894 г. войну, причиной которой стало ущемление болгарских купцов в Византии. Отголоски этой войны нашли отражение и в ПВЛ. «В лето 6410 (902), – пишет летописец – Леон царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Дерестр».⁹⁵

Летописные даты, традиционно, не совпадают с действительностью. Описанные события произошли в 895 г. Но уже в 896 г., заключив договор с печенегами, Симеон разбил венгров, после чего вновь двинулся на юг. В битве возле города Булгарофигон⁹⁶ болгары разбили византийскую армию и осадили Константинополь. Византии, пришлось подписать мир, уступить Болгарии территории, между современной Странджей и Чёрным морем и возобновить выплату ей ежегодной дани. Болгарские купцы вернулись в Константинополь.

⁹¹ Иоанн Камениата Взятие Фессалоники // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1959. С. 153.

⁹² Р. А. Наследова пишет: «Представляют интерес характеристика морального облика жителей Фессалоники, а также (имеющие, правда, библейский налет) показания Камениаты об острых социальных противоречиях, раздиравших фессалоникское общество накануне осады. «Какие только пороки, говоря правду, нас не обуревали?» – восклицает он. "Разгул, прелюбодеяние, грязные побуждения, ненависть, ложь, воровство, распри, соперничество, злословие, ярость, корыстолюбие, несправедливость и мать всех пороков – зависть равно владели каждым и были присущи всем." «Всякий..., – продолжает он дальше, – вступал в тяжбу с ближним, чтобы приумножить свой достаток за счёт чужого; люди... притесняли сирот, посягали на владения вдов...».... В истолковании событий автор не выходит из обычных рамок средневекового мировоззрения: он неустанно повторяет что падение Фессалоники, так же как землетрясение в Веррое и захват арабами Димитриады, – это божье наказание, ниспосланное за грехи жителей этих городов» (Иоанн Камениата Взятие Фессалоники. С. 152).

⁹³ М. Н. Тихомиров и Г. Г. Литаврин считали, что проход русских войск по территории Болгарии был невозможен без согласия Симеона.

⁹⁴ Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». Л., 1986. С. 84-105.

⁹⁵ Повесть временных лет. С. 73.

⁹⁶ Ныне Babaeski, Турция.

Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси

Следующая кратковременная болгаро-византийская война, как уже говорилось выше, состоялась в 904 г. И что особенно примечательно, в ПВЛ сразу же за рассказом о болгаро-венгерской войне, идет сообщение о женитьбе Игоря: «В лето 6411 (903). Игорь вырос и ходил в походы под началом Олега, слушаясь его. И привели ему жену из Пскова, именем Ольга».⁹⁷ Несколько иначе эта история рассказана в Кратком Владимирском летописце,⁹⁸ по версии которого: «Игоря же жени в Болгарех, поят за него княжну именем Олгу, и бысть мудра велми».⁹⁹

Известие Летописца послужило платформой для предположений о болгарском происхождении княгини Ольги. Рассматривать их мы не будем. Это тема для другого исследования. Для нас важно лишь то, что между событиями, происходившими в Болгарии, Византии и на Руси в промежутке между 895-904 годами имеется определенная связь. Попробуем проследить ее.

Как было показано выше, не сумев, самостоятельно, справиться с венграми, Сименон нанял печенегов. Битва состоялась на Южном Буге, на территории нынешней Украины. В 922 г., очередной раз, осадив Константинополь, он отправил послов к арабам, в надежде получить от Фатимидского халифа Убайдаллаху аль-Махди поддержку с моря. По ряду причин миссия не удалась. Опираясь на приведенные факты можно предположить, что в 904 г. отправляясь в Фесалонники болгарский царь обратился за помощью к русам, скорее всего, тем самым, которые, по предположению В. Д. Николаева обитали в устье Днепра, дабы они воспрепятствовали греческому флоту подойти к городу. Или, что более вероятно, отвлекли греческий флот и армию и не позволили им уйти от Константинополя.

Естественно, ни о какой осаде руссами византийской столицы речи идти не может. Иначе, как и в случае с походом руси в 860 г., это событие стало бы достоянием гласности и вошло в раннесредневековые исторические хроники и анналы. Вероятнее всего, русы грабили побережье, держа в напряжении византийскую власть, и как только болгары добились своего, вернулись домой. Отголоски всех этих событий, по всей видимости, и нашли отражение в летописях.

В результате особый интерес вызывает версия А. Грегуара считавшего, что об Олеге летописец узнал из надписи на пограничном столбе. Вне всякого сомнения, это не так. Не видел, да и не мог видеть автор ПВЛ пограничного столба. Зато, как полагает Малингуди, в распоряжение летописца, действительно, могла попасть notiция (сообщение) о заключении, некоего, предварительного, возможно даже, устного договора. Вероятно, это был договор не между греками и русью, а между греками и болгарами. И заключал этот договор, от имени болгар, судя по пограничному столбу, Феодор Олгу Тракан. Скорее всего, попавшая в распоряжение летописца, notiция послужила поводом для изобретения договора 907 г., сконструированного летописцем путем совмещения статей из договора 911 и 944 года.¹⁰⁰

⁹⁷ Повесть временных лет. С. 73.

⁹⁸ Датируется XVI в.

⁹⁹ Краткий Владимирской летописец. Летописец Руския земля. http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1500-1520/Maloizv_let_pamjatniki/1.php Текст воспроизведен по изданию: Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951.

¹⁰⁰ Из договора 971 г., им были заимствованы лишь имена богов, которыми клялась русь.

Если высказанная версия верна и верны предположения англичан Франклина и Шепарда, допуская, что имя князя Олега могло отсутствовать в тексте договоров 907–911 г., либо там стояло какое-нибудь иное имя,¹⁰¹ возникает вопрос – для чего, в таком случае, имя *ᾠλγ*/*Ολύου* понадобилось вставлять в тексты этих договоров летописцу? Только ли потому, что некий *Ολύου* принимал самое активное участие в событиях 904 г., у летописца имелся договор, заключенный между Византией и Русью в 911 г. и ему были известны отголоски каких-то болгарских легенд о походах руси? Для ответа на эти вопросы обратимся к другим, доступным для изучения источникам, а так же посмотрим, что представлял из себя Киев в конце IX - начале X века.

Источников в нашем распоряжении осталось, прямо скажем, не много, чуть лучше дело обстоит с археологией. Но и тут, как выясняется, тоже, особо, похвастаться нечем. До конца IX в. в Среднем Поднепровье, как пишут С. А. Щавелев и А. А. Фетисов «наблюдается почти полный экономический вакуум».¹⁰² Проще говоря, в это время Киев и его округа территория вне торговых путей. Да и самого города, по факту, на киевских холмах еще нет, а есть гнездо из четырех небольших славянских поселений принадлежащих носителям Лука-Райковецкой культуры. Ситуация меняется лишь в последней четверти IX в., когда, возникает Подол,¹⁰³ застройка которого, судя по домостроительным и фортификационным особенностям, производилась пришедшими с Днепровского Левобережья, северянами¹⁰⁴ и выходцами из Приладожья, и Приильменя - словенями. Именно с этого периода Киев, условно, можно отнести к торгово-ремесленным поселением, ориентированным на Днепр, как на торговую артерию. При этом хочется обратить внимание на один весьма примечательный факт – следы северной славянской домостроительной традиции на Подоле в конце IX в. присутствуют, а вот предметы, бесспорно скандинавского или «северного» происхождения, нет, что, невольно, заставляет задуматься, почему так?

Рассмотрение трудов историков приводит к одному неоднозначному наблюдению. Просматривается одно довольно странное обстоятельство. Рассказывая о становлении Древнерусского государства, исследователи старательно избегают вопрос, а какая, собственно, нужда заставила Вещего Олега взять с собой малолетнего Игоря, уйти из Ладоги, этой первой, по Кирпичникову, столицы Руси, богатого, знаменитого города, крупного центра «экономических и культурных контактов между Северной Европой, Арабским халифатом и Византией»?¹⁰⁵ В гавани Ладоги, по мнению Мачинского, «теснились морские суда», а правители этого важного центра восточноевропейской торговли «опираясь на свой флот, могли контролировать северные ветви великого Волжского, а затем и Днепровского военно-торговых путей».¹⁰⁶ Выбор Олега был странным: уйти в никому неизвестный, провинциальный городок на семи холмах, с неотраженной инфраструктурой и в стороне от торговых магистралей, да еще

¹⁰¹ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750-1200. СПб., 2000. С. 159.

¹⁰² Щавелев С. А., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX-начала X века // Историческая география. Т. 2. М., 2014. С. 25.

¹⁰³ Примерно в 887 году.

¹⁰⁴ Носители Роменской археологической культуры.

¹⁰⁵ Мачинский, Д. А., Губчевская, Л. А. О первоначальной Руси = The original Rus. Старая Ладога, 2007. <http://www.ladogamuseum.ru/article/pub2/>

¹⁰⁶ Мачинский, Д. А., Губчевская, Л. А. О первоначальной Руси.

сделать его матерью городов Русских. Неужели Олегу и сопровождавшим его русам стало, вдруг, холодно и неуютно на севере, и они потянулись в теплые края, поближе к теплому морю? Очевидно, что нет. Значит, есть какое-то иное объяснение произошедшему.

Археологи, изучающие Ладогу, установили, что между 865 и 871 г. поселение подверглось тотальному разгрому, сопровождавшемуся мощным пожаром.¹⁰⁷ В итоге, как пишет С. Л. Кузьмин: «Поселению пришлось вновь поменять не только хозяев, но и подавляющую массу обитателей».¹⁰⁸

Чаще всего рассматриваемые события исследователи связывают с изгнанием варягов, которое в ПВЛ датируется 862 годом.¹⁰⁹ Версия вполне обоснованная, хотя и не до конца аргументированная. К тому же, события, происходившие в этот период в Приладожье, исходя из имеющихся в распоряжении археологов данных, позволяют связать пожар, уничтоживший Ладогу и ряд других поселений Приладожья и Приильменя, напрямую, с приходом Рюрика. Косвенно, на это указывают следующие обстоятельства. На протяжении достаточно длительного времени, после погрома, порядка десяти лет, Ладога переживала не лучшие времена. Пережившие погром жители ютились, в основном, на окраинах городища. Прежняя жизнь стала налаживаться лишь к 890 г. Именно в этот период Ладога стала напоминать типичный скандинавский викинг, а на рубеже 1й и 2й четверти X века вступила в пору своего расцвета. Однако Олег и Игорь, если верить рассказу ПВЛ, к восстановлению Ладоги и тем более ее расцвету рук своих не приложили. В 882 г. они уже обосновались в Киеве. Возникает вопрос, почему?

О том, что хронология ПВЛ имеет мало общего с реальностью, пишут практически все историки. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивает К. Цукерман, по версии которого Рюрик пришел в Ладогу в последнем десятилетии IX в., примерно в 895 году.¹¹⁰

Как показывает археология, на период между 865 и 899 г. приходится заметный спад поступлений серебра в Скандинавию, а в самом Поволховье и Приильменье в это время в землю зарыто самое большое количество кладов за всю историю региона.¹¹¹ Анализ найденных в кладах дирхемов показал, что большинство из этих монет попало в Восточную Европу до 860 г. Следовательно, причину появления кладов надо искать не в увеличении торговой активности, росте экономики приведшей к избытку монет, как полагают некоторые исследователи, а, наоборот, в военной нестабильности в регионе заставившей людей прятать свои сбережения до лучших времен.

И здесь самое время вспомнить Никоновскую летопись (XVI в.), по свидетельству которой, не все новгородцы с радостью восприняли приход

¹⁰⁷ Кузьмин С. Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни (Седьмые чтения Анны Мачинской). СПб., 2003. С. 45–57.

¹⁰⁸ Кузьмин С. Л. Пожары и катастрофы в Ладоге. С. 45–57.

¹⁰⁹ «В лето 6370 (862). Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть» (Повесть временных лет. С. 67).

¹¹⁰ Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. Киев, 2003. №1. С. 76–99.

¹¹¹ В эти годы, по оценке Т. Нунана, в Восточной Европе было захоронено более половины (51,6%) всех дирхемов зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг.

Рюрика, створившего им *много зла*. Возглавляемые неким Вадимом Храбрым они подняли бунт, закончившийся разгромом восставших и гибелью их предводителя. В. Н. Татищев, опираясь на имеющиеся у него источники, высказал предположение, что спасшиеся от разгрома соратники Вадима Храброго бежали в Киев. Не они ли, в таком случае, принесли ладожские архитектурные традиции в Среднее Поднепровье в конце IX века, а не Вещий Олег,¹¹² как это предполагают историки и археологи, опираясь на ПВЛ?

Если мое предположение верно, то, в 80-х годах IX в., в Киеве появилось новое население, бежавшее в Поднепровье спасаясь от захвативших Ладогу викингов, возможно, Рорика Ютландского. Судя по отсутствию скандинавских вещей, это население было в большей степени славянское, хотя исключать присутствие скандинавов живших в Ладоге до изгнания варягов не приходится. Обосновавшись на Подоле, пришельцы из Приильменя, вместе с появившимися здесь одновременно или чуть раньше, носителями роменской культуры, вероятно, и занялись обустройством Подола, как пристани ориентированной на торговлю строительство и ремонт судов. Кто стоял во главе переселившихся в Киев «ладожан» мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Можно, конечно, написать, что это был некий Олег, не имевший отношения к Рюрику и рюриковичам, типа упомянутого у Мыцько¹¹³ Heiligona.¹¹⁴ Но, с таким же успехом это мог быть Игорь I, отец летописного князя Игоря, возможность существования которого допускают некоторые историки, или какой-то иной, неизвестный летописям вождь или князь, на которого намекали Франклин и Шепард. Очевидно лишь одно, именно эти пришельцы участвовали в заключении договора 911 г., как бы мы его не трактовали в свете изложенных выше соображений.

Между тем, прежде прежде, чем высказать предположение о том, кем мог быть реальный или, если так можно выразится, исторический Вещий Олег, следует объяснить, почему именно в Киев бежали разбитые Рюриком ладожане.

Вероятнее всего, свою роль сыграло удобное географическое положение поселения. Оно позволяло контролировать южный участок древнейшего торгового пути, проходившего по Дону и Донцу. Одним крылом, по рекам левобережья¹¹⁵ через Днепр и Двину, этот путь выходил на Южную Балтику, другим, через Оку и Волгу, на Волхов и Ладогу.¹¹⁶ Летопись показывает, что все

¹¹² Как показал А.В. Комар: «материалы Подола конца IX – середины X в. в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения, заставляя вспоминать об Олеге исключительно благодаря подчинению в 884–885 гг. северян и радимичей – основных носителей роменской культуры» (Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 316).

¹¹³ Мыцько И. Датское происхождение князя Олега. Скандинавские древности. Интернет конференция 10–30 сентября 2010. [Офф. сайт]. Url: <http://conference.dansk.ru/content/view/28/39>

¹¹⁴ И. Мыцько, опираясь на скандинавские саги и другие западноевропейские источники, видит в Вещем Олеге предка датского конунга Свейна II, Heiligona (Хейлигона) из династии Скъольдунгов. Предполагается, что Heiligon (Хейлигон) правил Данией в 891 – 900 гг., но после захвата Дании шведом Олафом сбежал на Русь где и стал известен под именем Вещего Олега.

¹¹⁵ Ворскла, Псел, Сейм, Десна.

¹¹⁶ Находки салтовского происхождения в Ладоге и на Рюриковом городище подтверждают контакты Ладоги и СМК.

действия Олега, едва он обосновался в Киеве, обусловлены как раз стремлением захватить контроль над этой торговой магистралью. Сначала Олег воюет с древлянами.¹¹⁷ Причины этой войны закономерны. По свидетельству ПВЛ, после смерти Кия с братьями древляне стали примучивать полян. Естественно, новый киевский князь первым делом должен был устранить потенциальную угрозу и тем самым обезопасить свою новую столицу. Следующий шаг Олега, он покоряет северян.¹¹⁸ При этом киевский князь не грабит потенциальных партнеров по бизнесу, а накладывает на них легкую дань, сказав, что он противник хазарам, взимавшим с северян дань, а не самим северянам.¹¹⁹ Вслед за северянами Олег подчиняет себе радимичей, обитавших в междуречье Днепра, Десны и Сожи, вплоть до земель кривичей.¹²⁰

Но, увы, грандиозный замысел киевского князя не удался. Пока Олег покорял славянские племена Поднепровья, стараниями хазар и печенегов в конце IX – начале X века гибнет салтово-маяцкая культура, или Русский каганат,¹²¹ городища которого контролировали движения торговых караванов по Донцу и Дону. Торговля по Дону замирает. В итоге киевлянам пришлось искать новые источники дохода и вольно или невольно переориентироваться на Византию.

С этой целью они осваивают нижнее течение Днепра, впадающего в Черное море, из которого, как сообщают арабы, русы могли попасть не только в Константинополь, но и в Азовское море, на Дон и дальше на Волгу и Каспий. Вероятно, именно для достижения этих целей Олег начинает войну с сидевшими на нижнем Днепре и Южном Буге уличами и тиверцами, под контролем которых находилось северо-западное побережье Черного моря с впадающими в него реками Днестр, Прут, Дунай.¹²²

В свете вышеизложенного, причины, по которым ладожане, контролировавшие ключевую точку восточно-европейских торговых путей, включая торговый путь проходивший по Донцу и Дону, после разгрома Ладоги викингами Рюрика бежали в Поднепровье, становятся более-менее понятны и объяснимы. Это экономический коллапс и военная напряженность в Прильменье, на десятилетия, разрушившие торговые связи. Вероятно, именно это и побудило наиболее деятельную часть «ладожан» мигрировать на юг, ближе к источникам богатств.

Теперь следует вновь вернуться к личности Вещего Олега. Ранее уже говорилось о том, что в Новгородской первой летописи младшего извода несколько иначе, чем в ПВЛ, трактуется роль этого эпического персонажа

¹¹⁷ Обитали в украинском Полесье (гл. образом в Житомирской и на западе Киевской области).

¹¹⁸ Обитали на территории современных Черниговской, Сумской, Брянской, Курской, Белгородской областей.

¹¹⁹ Пошел Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и освободил их от дани хазарам, сказав: «Я им противник, а вам – незачем» (Повесть временных лет. С. 70).

¹²⁰ Обитали в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги. Согласно ПВЛ кривичи были покорены Олегом еще по пути в Киев. Но есть вероятность, что произошло это гораздо позже.

¹²¹ По версии Д. Березовца и ряда других историков.

¹²² И владел Олег полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал (Повесть временных лет. С. 70).

русской истории. Согласно данному источнику,¹²³ Олег был воеводой при взрослом Игоре, а не великим князем, как это показано в ПВЛ. Шахматов считал, что НПЛ наиболее точно отражает содержание Начального свода, датированного им 1095 г. Следовательно, можно предположить, что наиболее точно она отражает и иерархию русских князей. Что же, в таком случае, подтолкнуло летописца возвести воеводу до уровня великого князя? Только ли перевод договоров руси с греками, как на этом настаивают некоторые историки? Очевидно, что нет, более вероятно, что и сами договора были переделаны именно под Олега, на что, как я уже говорил, недвусмысленно намекали Франклин и Шепард. Можно предположить, что в процессе работы над своим трудом автор ПВЛ использовал информацию из самых разных источников, включая русские фольклорные предания, дружинные песни, саги, в которых фигурировали имена Рюрика, Синеуса, Трувора, Игоря и Олега. Вольно или невольно, летописец был вынужден систематизировать, все эти свалившиеся на его голову знания, чтобы потом встроить их в намеченную им канву русской истории. Причем делал это он с оглядкой на даты, почерпнутые из византийских хроник и, вероятно, с поправкой на присущую тому времени «магию», или по Толочко,¹²⁴ «символику чисел», рассчитанных им самим.¹²⁵

В рамках данной статьи останавливаться на хронологических манипуляциях летописца нет необходимости. Проблема эта, хотя и имеет прямое отношение к Вещему Олегу,¹²⁶ но вряд ли сильно поможет в разбор всех хитросплетений исторического сюжета, скорее, наоборот, может возникнуть еще большая путаница. Поэтому, попытаемся выяснить происхождение Олега без привлечения дат, тем более что они все равно не имеют ничего общего с исторической реальностью.

Большинство историков считает, что Вещий князь: «был героем обширного цикла сказаний»¹²⁷ бытовавших как на севере, в Ладогe и Новгороде, так и юге, в Киеве. При этом, правда, доказательств в пользу данного утверждения не приводится¹²⁸, кроме неких общих рассуждений из которых следует, что именно Олег, а не Игорь, как это утверждается в НПЛ и Начальном своде, захватил Киев, назвав его матерью городов русских. Он же начал ставить города и воевать соседние племена. Парадоксально звучит, но единственным обоснованием всем этим построениям служит хронология ПВЛ, согласно которой Олег с малолетним Игорем пришел в Киев в 882 г., да пресловутые договора Олега

¹²³ Древнейший список НПЛ датируется первой половиной XV в.

¹²⁴ В книге А. П. Толочко «Очерки начальной руси» дается весьма детальный разбор, как высчитывались некоторые, в том числе и ключевые даты русской истории.

¹²⁵ Более обстоятельно данный вопрос рассмотрен в работе: Лушин В. О некоторых особенностях датировки событий IX – начала XI вв. в Повести временных лет // Древняя Русь в IX – XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники, 2016. С. 4-10.

¹²⁶ По убеждению Толочко и Лушина именно дата смерти Олега, 912 г., напрямую привязанная к дате смерти византийского императора Льва VI Мудрого стала отправной точкой для последующих хронологических построений летописца.

¹²⁷ Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI- начала XII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 68.

¹²⁸ Особенно, это касается северных, новгородско-ладожских «саг», вся деятельность Олега, в которых сводится к смерти, то ли воеводы, то ли князя «от коня своего» в Ладогe или за морем.

с греками, разбор достоверности которых мною был произведен выше. Относительно даты 882 г. можно сказать следующее, Лушин достаточно убедительно показал, что появилась она исключительно в ходе нумерологических ухищрений летописца и в математической прогрессии¹²⁹ связана с датой первого упоминания Руси¹³⁰ (852 год), которая, впрочем, также была рассчитана самим автором ПВЛ.¹³¹

Следовательно, точную дату начала правления Олега, как впрочем, и Игоря мы никогда не узнаем. К. Цукерман, опираясь на археологию и сопоставление текстов летописей, высказал предположение, что Олег захватил Киев не раньше 911 г., а возможно, даже в конце второго десятилетия X века.¹³² Но и это тоже всего лишь предположение, хотя и достаточно обоснованное. По крайней мере, гипотеза Цукермана способна объяснить ряд существенных нестыковок летописной хронологии, касающихся времени жизни Игоря. Но и здесь Цукерман исходит из устоявшихся представлений историков о достоверности именно той версии русской истории, что изложена в ПВЛ и согласно которой Олег был великим князем, правившим от имени малолетнего Игоря. Причины столь трепетного отношения к, более чем спорному, в контексте исторической достоверности, источнику историков мне понятна - лучше уж такая история, чем никакой. Вместе с тем, если мы сопоставим летописные рассказы о жизни и деяниях этих двух персонажей, то увидим их несуразность. При всей симпатии к Олегу летописца, в ПВЛ, это насквозь эпический герой. Олег не женится, не заводит детей. Единственное что он делает, на протяжении всей своей жизни – воюет и строит города. Причем, о последнем в летописи упомянуто всего один раз, под 882 г. И надо сказать, упомянуто весьма своеобразно: «Именно Олег начал ставить города и установил дани...».¹³³ Создается впечатление, что летописец спорит с неким оппонентом считавшим иначе. Оппонент этот, автор Начального свода, у которого города ставить начинает не Олег, а Игорь. Войны Олега в ПВЛ описаны тоже довольно лаконично: «пошел в поход», «начал Олег воевать». Единственное исключение, захват Киева, совершенный при помощи хитрости и война 907 г. Вот тут «фантазия» летописца развернулась в полную

¹²⁹ От начала «прозвания» русской земли (852) до призвания Рюрика (862) – 10 лет, от призвания Рюрика до захвата Олегом Киева (882) – 20 лет. В сумме, от «прозвания» русской земли до вокняжения Олега в Киеве – 30 лет.

¹³⁰ «В лето 6360 (852), индикта 15 день, когда начал царствовать Михаил, стала называться Русская земля».

¹³¹ 852 г., как дата начала Руси, летописцем рассчитана исключительно математически. Сначала от 912 (год смерти Олега), он отнял 33 г., отпущенные летописцем на правление Олега (879-912), так автор ПВЛ получил дату смерти Рюрика – 879 г. Затем от 879 г. им было отнято 27 лет – время от смерти Игоря до смерти Святослава (945-972). В итоге получается 852 г. Та же манипуляция летописцем была совершена и в обратном порядке. 912+33 (время правления Игоря) +27 получаем 972 г., дату смерти Святослава. В общей сумме получается 120 лет, от начала Руси до смерти Святослава, разделенных 912 г. на два равномерных цикла.

¹³² По версии Цукермана, Рюрик пришел в Ладогу не ранее 895 года (Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории. У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Мат-лы междунар. науч. конф. 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб., 2007. С. 343-351.

¹³³ Повесть временных лет. С. 70. В переводе Д.С. Лихачева данное предложение выглядит несколько иначе «Тот Олег начал ставить города и установил дани...», что, впрочем, не сильно меняет ее контекст.

силу. Подобное наблюдается и при описании им смерти Вещего князя. Но тут дело совсем иное, назидательное, на примере судьбы князя выносятся моральный урок: «не искушать судьбу».

Совершенно иначе, в ПВЛ освещена жизнь князя Игоря, в отличии от Олега, реального исторического персонажа, упоминание о котором помимо русских летописей имеется, также, в греческих и западноевропейских хрониках. Казалось бы, тут летописец должен быть более многословен, есть источники, да и Игорь пусть на 30 лет но ближе ко времени написания первых русских летописей. Однако история правления Игоря в ПВЛ довольно скучна: женился в 903 г., в 913 г. начал править самостоятельно, хотя, если следовать хронологии ПВЛ, Игорю на тот момент было около 33 лет. Возраст не только Христа, но и Ильи Муромца, который, как известно, 33 г. сидел на печи, пока калики перехожие не сподобили его на ратные подвиги. В 914 г. Игорь воюет с древлянами, в 915 г. заключает союз с печенегами и до 941 г. В 941 Игорь совершает неудачный поход на Византию, достаточно хорошо освещенный в ПВЛ исключительно благодаря византийским источникам. В 942 г. у Игоря рождается первый и единственный сын, Святослав. В 944 г. он начинает новый поход на Византию, закончившийся на Дунае относительно выгодным для Руси договором с греками. А уже в 945 г. Игорь от жадности и по глупости гибнет от рук древлян.

Очевидно жизнь Игоря у летописца не изобилует подробностями. Это происходит или из-за недостатка находившихся в руках летописца источников, либо потому, что летописец испытывал антипатию к князю. По крайней мере, в летописи это живой, а не эпический персонаж.

На что еще хочется обратить внимание, сопоставляя Олега и Игоря. Игорь, которому как уже говорилось выше, в 913 г. более тридцати лет, практически не принимает участия в деяниях Олега, не ходит с ним в походы. Невнятная фраза летописца от 903 года: «Игорь вырос и ходил в походы под началом Олега, слушаясь его», не может быть принята в расчёт, поскольку нигде более в летописях нет даже намек на то, что Игорь участвовал в походах Олега. Между тем, Игорь был сыном Рюрика и в отличие от регента, Олега оставался единственным легитимным князем в Киеве. Даже женится Игорь в зрелом возрасте, после 20-и, что по тем временам немислимо.

В общем, как уже говорилось, противоречивость рассказа ПВЛ, очевидна. Но может быть, возможно, какое-то иное объяснение указанным нестыковкам? Действительно, оно есть. В распоряжении историков имеется еще один не летописный источник, в котором, предположительно, упоминается имя Вещего Олега. Речь идет о так называемом Кембриджском документе. В «документе» имеется рассказ о том, как некий ХЛГУ (HLGW), правитель Руси, сначала, подстрекаемый греками, грабит хазарский город SMKRYU (С-м-к-рай),¹³⁴ а затем уже, принуждаемый хазарами, нападает на Византию. В ходе этой русско-византийской войны, по версии Кембриджского документа, продолжавшейся на море четыре месяца, ХЛГУ потерпел поражение и, устыдившись, вернуться на родину «бежал морем в FRS, и там он и все его войско пало».¹³⁵ Происходили описанные события в период правления византийского императора Романа I Лакапина, между 920-944 годом.

¹³⁴ Предположительно Тамань.

¹³⁵ Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 142.

Споры по поводу того, кем в реальности был упомянутый в документе ХЛГУ, среди историков не прекращаются. ХЛГУ объявляют правителем Причерноморской Руси, независимой от Киевской, правителем Черниговского княжества и даже одним из имен Игоря.¹³⁶ Также высказывалось предположение, что ХЛГУ это воевода Игоря, упомянутый в НПЛ и не имеющий отношения к Вещему Олегу. Все эти предположения отвергались, в основном, по двум причинам. Во-первых, в Кембриджском документе ХЛГУ назван правителем, царем Руси. Во-вторых, воевода Игоря Олег, согласно НПЛ, умер в 922 г., а описанные в «документе» события наиболее достоверно отражают неудачный поход Руси 941 г., который, согласно русским, византийским и латинским источникам, возглавлял сам князь Игорь. Вместе с тем, очевидно, что ХЛГУ Кембриджского документа и есть Вещий Олег, что по версии ПВЛ, что по версии НПЛ. Дата смерти воеводы в 922 г., по версии НПЛ, в 912 г. великого князя, по версии ПВЛ не должна смущать.

Ранее уже говорилось о том, что большинство дат в русских летописях условны. Они, или высчитаны исходя из каких-то мистико-нумерологических концепций летописцев, или подогнаны под значимые даты византийской и болгарской истории, например, привязаны к датам восхождения на престол или смерти византийских императоров. Так что особо уповать на летописную хронологию не приходится. Тоже самое и с титулом царь (малик). Ибн Фадлан, описывая царя русов, говорит следующее: «У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных».¹³⁷ Исходя из этого, есть все основания полагать, что на ранней стадии становления Древнерусского государства, на Руси существовало двоевластие, близкое по форме к двоевластию, существовавшему в Хазарском каганате.

Косвенно, на это указывают и сами русские летописи. Воевода Игоря, Свенельд имел собственную дружину, не подчинявшуюся Игорю. Ряд историков полагает, что Свенельд контролировал и часть территории Руси, взимая с нее дань в собственную пользу. Как известно, именно это и стало причиной смерти киевского князя. Летопись сообщает, дружинники жаловались Игорю: «Отроки Свенельда разоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы».¹³⁸ Поход Игоря, внявшего просьбам дружинников, закончился его убийством возле Искоростеня.

На высокий статус Свенельда указывает и договор заключенный Святославом с греками в 971 г. Лишь имя воеводы стоит в тексте договора с русской стороны, вместе с именем самого Святослава.¹³⁹ Все это дает основание полагать, что статус и положение Олега при Игоре было не ниже. Вероятно, поэтому хазарский хронист, не особо посвященный в социально-политическое устройство Руси, и назвал Олега, возглавлявшего набег на хазарский город в Крыму, царем.

¹³⁶ «Helgi Inger, т.е. по Бруцкусу – «Гельги младший» (Половой Н. Я. О первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русский и византийских источников) // Византийский временник. Т. XVIII. С. 98).

¹³⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу: Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 451-496.

¹³⁸ Повесть временных лет. С. 92.

¹³⁹ «Противень другого списка договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле месяца июля, 14 индикта, в лето 6479 (971) (Повесть временных лет. С. 106).

Обобщий интерес вызывают время и обстоятельство смерти Олега в контексте известий Кембриджского документа и событий исследуемой эпохи.

В отличие от ПВЛ византийские и латинские хроники достаточно подробно, хотя порою и несколько противоречиво, освещают русско-византийскую войну 941 г. К тому же в ПВЛ, причем, вероятно, сознательно искажена последовательность событий. Но не стоит останавливаться на деталях, похода Игоря. Следует обратить внимание лишь на некоторые принципиальные моменты. Н. Я. Половой в работе «К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников)» высказал довольно убедительное предположение, суть которого сводится к следующему: в подходе на Константинополь войска Руси разделились. Часть воинов, возглавляемая Игорем, сойдя с кораблей, в пешем порядке принялась грабить предместья Царьграда, флот же отправился дальше и был разбит у Иерона византийцами, применившими «греческий огонь». Игорь, узнав о поражении флота, вернулся в Киев, оставив на произвол судьбы остатки своей армии.¹⁴⁰ Как полагает Полевой, именно поэтому летописцы и исказили события, скомпоновав их так, что флот руси был уничтожен лишь после того, как русы ограбили предместья Константинополя и натворили много бед грекам на малоазиатском побережье Византии. Не стоит касаться моральной стороны вопроса, более интересно иное, кто возглавлял потерпевший поражение флот Руси. Ответ очевиден, Олег-ХЛГУ Кембриджского документа. Византийские источники сообщают: после разгрома у Иерона и бегства Игоря на Русь остатки русского флота, вплоть до осени¹⁴¹ продолжали грабить Малую Азию, огнем и мечем, пройдя через Вифинию, Ираклию, Никомидию и Пафлагонию. Но в сентябре греки подтянули в Малую Азию свою регулярную армию и флот, у русов заканчивалось продовольствие, и они решили вернуться домой. Ночью 15 сентября суда русов попытались проскользнуть мимо греческого флота к европейской части Боспора, чтобы отправиться дальше во Фракию, а затем домой, но были обнаружены. Завязалось морское сражение, в результате которого флот русов был снова разбит. Лишь немногим кораблям русов удалось спастись, прижавшись к скалистым берегам Килии¹⁴². С наступлением ночи русы оторвались от преследования греками.

Куда ушли корабли русов неизвестно. Лев Диакон,¹⁴³ правда, упоминая о бегстве Игоря, писал, что корабли русов после поражения отправились к Киммерийскому Боспору. Коснемся этого вопроса чуть позже. Пока же важнее обратить внимание на следующее. Трудно представить, что разбитый у Иерона русский флот остался без руководства. Слишком слажены действия русов в Малой Азии. Да и попыткой прорыва, и, вторым, неудачным сражением русского флота с греческим, тоже кто-то должен был руководить. Ответ видится очевидным, это мог быть только Олег.

В ряде арабских хроник XI и последующих веков помещены рассказы о набеге русов¹⁴⁴ на столицу древней Кавказской Албании г. Бердаа. Набег, по разным источникам, состоялся в 943-944 г. Откуда пришли русы неизвестно,

¹⁴⁰ Не здесь ли кроется нелюбовь летописца к потомку Рюрика?

¹⁴¹ Сражение у Иерона произошло 11 июня 941 года.

¹⁴² Город Коііа Фракийской фемы располагался близ входа в Босфор.

¹⁴³ Греческий историк до 950 около 1000 г.

¹⁴⁴ Абу-л-Фараджа (Бар-еврей), (умер в 1286) приписывает этот набег аланам, лезгам и славянам.

но судя по рассказу Ибн Мискавейха, пришли они в Бердаа не для того чтобы разграбить город, а для того чтобы нем остаться и править. Мискавейх ссылаясь на свидетеля событий Абу-Аббас-ибн-Нудара пишет, что войдя в город русы объявили жителям: «Нет между нами и вами разногласия в вере¹⁴⁵. Единственно чего мы желаем, это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам».¹⁴⁶ Однако жители города, за исключением знати, не захотели подчиниться пришельцам и стали оказывать сопротивление. Закончилось противостояние избиением горожан и захватом в плен: «больше 10.000 мужчин и юношей вместе с женами, женщинами и дочерьми».¹⁴⁷ Русы предложили пленникам выкупить самих себя. Попытки эмира Марзубана ибн Мухаммада победить пришельцев в открытом бою также закончились неудачей. Но то, что не сумели сделать воины, сделала эпидемия, разразившаяся в городе и сильно сократившая численность нападавших. Поняв, что удерживать город дальше не получится, русы под покровом ночи забрав с собой то, что они могли унести, отправились к реке Куре. Там их поджидали оставленные под охраной корабли, на которых русы и покинули эти территории.

Большинством исследователей каспийский поход 943/44 г. расценивается как некий, неизвестный летописцам эпизод русской истории, не привязывая его к русско-византийской войне 941 г. Вместе с тем, очевидно, что это не так. После разгрома 941 г. русь собирала силы для реванша, который, согласно ПВЛ состоялся в 943 г. Можно, конечно, допустить, что не получив желаемое, приглашенные Игорем варяги после заключения мира между греками и русью совершили самостоятельный поход на Бердаа. Но изложенные в Кембриджском документе события позволяют отбросить данное предположение. Более вероятно, что набег на Бердаа совершил Олег/ХЛГУ, решивший не возвращаться на родину, дабы не испытывать гнев Игоря, который мог, да и скорее всего, обвинил своего воеводу в разгроме русского флота. Обрести новую родину русам Олега не удалось. Большая часть их с Олегом погибла, о чем и сообщает Кембриджский документ. На Русь вернулись лишь не многие, ушедшие в поход на Бердаа вместе с Олегом. Это предположение, кстати, подкрепляется некоторыми поздними летописями, где говорится, что «возвратившаяся Русь восвояси без успеха, по том же лете спустя, и на третьє лето приидоша в Киев».¹⁴⁸ Едва ли в данном случае, речь идет о воинах, вернувшихся в Киев с Игорем. Близкой точки зрения придерживался и Половой.¹⁴⁹

Показателен тут и еще один момент, в договоре Игоря с греками нет ни Олега, ни, что еще более удивительно, Свенельда, игравшего существенную роль

¹⁴⁵ Вполне возможно, что часть русов в это время, как и свидетельствовал ал-Марвази, исповедовала ислам.

¹⁴⁶ Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г. / пер. А. Якубовского // Византийский временник. Т. 24. 1926. С. 65.

¹⁴⁷ Там же. С. 66.

¹⁴⁸ Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // Византийский временник. Т. XVIII. С. 103.

¹⁴⁹ «Поскольку русские так долго не возвращались в Киев, есть все основания утверждать, что это была часть отряда Хальги, отправившегося после похода на греков в Персию.... Но и там неудачи постигли отряд Хальги. В Персии погиб вождь и значительная часть самого отряда. Лишь небольшой части воинов удалось добраться до Киева» (Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии. С. 103).

в русской истории. Объяснить это можно лишь допустив, что к моменту заключения договора Игорь, вероятно, возглавивший поход 943 г. сам, еще не знал о гибели Олега и поэтому не назначил на должность своего заместителя (воеводы) Свенельда. Ситуация изменилась лишь после того, как в Киев вернулись воины ушедшие с Олегом в «Персию», которые и сообщили Игорю о смерти своего предводителя. Еще одним, хотя и косвенным, указанием на смерть Олега в Бердаа, может служить свидетельство НПЛ, автор которой помимо классической версии о гибели Олега от укуса змеи в Ладоге оговаривается: «Друзии же скажутъ, яко идущу ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре».¹⁵⁰ Стремление некоторых историков связать данное сообщение НПЛ исключительно с сагой об Одде Стреле, далеко не безупречно.¹⁵¹ Более вероятно, что тут мы имеем дело с наслоением разных летописных и фольклорных традиций знающих разные варианты рассказов о смерти Вещего князя.

Прежде чем подвести итог, несколько слов относительно дат русского похода на Бердаа. Арабские источники датируют набег 943–944 г. Учитывая то, что рассказ о событии Ибн Мискавейхом был записан через 80 лет после происшедшего, можно допустить хронологическую неточность в один-два года. Но более вероятно, что русы, после разгрома на Черном море, не сразу отправились в Каспий. Скорее всего они где-то отсиделись, например на том же Дону или в Приазовье, пополнили состав войска за счет упомянутых Абу-л-Фараджем аланов и лезгов, построили новые суда, прояснили обстановку, договорились с хазарами и лишь после этого направились в самый богатый город восточного Закавказья, где и собирались закрепиться. Так что событие, действительно, могло произойти и в 943 году.

Всё вышеизложенное подводит к следующим итогам. Археологические данные позволяют предположить, что около 887 г. в Киеве появляются выходцы из Прильменя, бежавшие от разгрома учиненного норманнами в Приладожье, и примкнувшие к ним выходцы из Русского каганата на Дону, разрушенного хазарами. Закрепившись в Поднепровье и поняв, что торговля по старому торговому пути уже не возможна, либо несет мало прибыли, киевские русы¹⁵² прокладывают новую торговую магистраль по Днепру, все больше и больше ориентируясь не на Восток, а на Византию. Обосновавшаяся в устье Днепра русско-славяно-варяжская вольница участвует в болгаро-византийской войне 904 г. на стороне Болгарии, чем снова напоминает о себе грекам. После стабилизации отношений между Болгарией и Византией русы лишаются возможности совершать набеги вдоль Черного моря. В результате этого вектор взаимоотношений Руси и Византии переориентируется на торговлю и наемничество, что и закрепляется договором 911 г. Кто возглавлял в это время Русь, достоверно не установлено. Летописцу имена правителей Руси стали известны

¹⁵⁰ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 109.

¹⁵¹ Аналогичный сюжет встречается и в фольклоре других народов. К. Тиандер в свое время обратил внимание, что сербская сказка, в которой от укуса змеи, вылезшей из черепа коня, погибает турецкий султан, «настолько близко подходит к сказанию об Олеге, что можно было бы подумать, что она является заимствованием» (Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 241). Очевидно, что эта сказка появилась у сербов отнюдь не под влиянием скандинавских преданий о приключениях Одда, да и русские летописи тут вряд ли причем.

¹⁵² В задачи исследования не входит разбор версий происхождения руси.

только со времени Игоря, из греческих источников и Начального свода, в котором русским князем назван был Игорь, а Олег числился его воеводой. Вместе с тем, летописцу были известны и устные предания, в которых Олег и Игорь фигурировали отдельно друг от друга. Это создало иллюзию одновременности их правления. Присовокупив к русским «былинам» балканские рассказы, в которых упоминалась русь и персонажи носившие имена-тителы Олгу, Алого, автор Повести временных лет изменил содержание Начального свода, сделав Олега великим князем, регентом при малолетнем Игоре, определив каждому по 33 г. правления. А потом уже под эту, новую конструкцию он создал собственную хронологию, внутренне не противоречивую и соответствующую его мистико-нумерологическим представлениям. Впрочем, вполне возможно, сначала была хронология, а уже под нее писалась история и вписывались имена. Попытки ряда историков объявить Вещего Олега выходцем из Скандинавии, обосновавшимся в Киеве между 882 и 911 г. не находят подтверждения в археологических материалах Среднего Поднепровья, да и в самих скандинавских источниках, оставивших вне поля зрения персонаж, носивший, без преувеличения, культовое, эпическое имя и совершивший деяния достойные того, то бы о них были сложены саги. Вместе с тем, данное обстоятельство не исключает возможность скандинавского происхождения Олега («ХЛГУ» Кембриджского документа), воеводы Игоря, деятельность которого приходится на период между 920 и 943 г. Археологические материалы Киева не препятствуют данному предположению.

Источники и литература

1. *Бибихин В. В.* Введение в философию права. М., 2005.
2. *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997.
3. *Енисова Н. В., Пушкина Т. А.* Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. 2012. Вып. V.
4. *Еремеев И. И.* Полоцкая земля. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.
5. *Знойко Н. Д.* О посольстве Калокира // ЖМНП. 1907. Ч. VIII. Новая серия.
6. *Ибн-Мискавейх* о походе Русов в Бердаа в 332 г. // Византийский временник. 1926. Т. 24.
7. *Иоанн Камениат* Взятие Фессалоники // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
8. *Истрин В. М.* Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. Л., 1925. Т. 29.
9. *Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.
10. Краткий Владимировской летописец. Летописец Руския земля. http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1500-1520/Maloizv_let_pamjatniki/1.php Текст по изданию: Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л., 1951.
11. *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. 2011.
12. *Кузьмин С. Л.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни.

(Седьмые чтения Анны Мачинской). СПб., 2003.

13. *Левченко В. М.* Русско-византийские договоры 907-911 гг. // Византийский Временник. 1952. Т. V.
14. *Леонтьев А. Е.* На берегах озёр Неро и Плесеево. Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012.
15. *Лушин В.* О некоторых особенностях датировки событий IX – начала XI вв. в «Повести временных лет // Древняя Русь в IX – XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники. 2016.
16. *Максимович К. А.* Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки перевода, языка и традиции текста. К 1100-й годовщине первого договора Руси с Византией. Тезисы докладов. 2012.
17. *Малингуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82).
18. *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. 1996. Т. 56.
19. *Мачинский Д. А., Губчевская Л. А.* О первоначальной Руси. Старая Ладога: С Минимакс, 2007. <http://www.ladogamuseum.ru/article/pub2/>
20. *Мельникова Е. А.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 г. Рюриковичи и Российская государственность. М.: Индрик, 2008.
21. *Михайлов К. А.* Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.
22. *Мыцько И.* Датское происхождение князя Олега. Скандинавские древности. Интернет конференция 10–30 сентября 2010. <http://conference.dansk.ru/content/view/28/39>
23. *Назаренко А. В.* Происхождение древнерусского денежно-вещевого счета // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. 1994. М.: Наука, 1996.
24. *Никитин А. Л.* Основания русской истории. Мифологемы и факты. М.: Аграф, 2001.
25. *Николаев В. Д.* Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. 1981. Т. 42.
26. Повесть временных лет. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014.
27. *Половой Н. Я.* О первом походе Игоря против Византии (сравнительный анализ русский и византийских источников) // Византийский Временник. Т. XVIII.
28. *Цветков А. И.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Рязань, 1998.
29. *Рыдзевская Е. А.* К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.: Наука, 1978.
30. *Сахаров А. Н.* «Мы от рода русского...». Л.: Лениздат, 1986.
31. *Сергеевич В. И.* Греческое и русское право в договорах с греками X века // Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
32. *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

33. Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб.: Лаурус, 2015.
34. Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1996.
35. Успенский Ф. И. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. 1898. Вып. III.
36. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750-1200. СПб., 2000.
37. Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. Киев, 2003. №1.
38. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Мат-лы междунар. науч. конф. 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород / Отв. ред. Е. Н. Носов и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
39. Чернов А. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20). Львів, 2011.
40. Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази. Таба 'и' ал-хайаван // Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2.
41. Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря. Пг., 1914.
42. Щавелев А. С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы...» (DAI. 42. 60-61)1: к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній Світ, 2014.
43. Щавелев С. А., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX- начала X века // Историческая география. Т. 2. М., 2014.
44. Jenkins R. The supposed Russian attack on Constantinople in 907; evi dens of the Pseudo-Symeon. *Speculum*, 1949, vol. XXIV, N 3.